ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 30 коп.

Литературная газета

№ 25 (588) ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР Пятница, 1 мая 1936 г.

Рисунок Фрэда Эллис

ПРИВЕТ РАБОТНИКАМ НАУКИ И ТЕХНИКИ, ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ, УКРЕПЛЯЮЩИМ ТЕХНИЧЕСКУЮ И КУЛЬТУРНУЮ МОЩЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РОДИНЫ! ДА ЗДРАВСТВУЕТ РАСЦВЕТ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ СССР!

Из лозунгов Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) к 1 мая 1936 г.

ПРАЗДНИК БОРЬБЫ И ПОБЕД

Счастливый народ счастливой страны празднует сегодня день Первого мая — праздник международной солидарности трудящихся. Первое мая — день боевой переклички пролетариев всех наций, день смотра сил, штурмующих капиталистический мир. Лучшие боевые традиции мирового революционного движения находят свое выражение в этом празднике, могучее и грозное дыхание пролетарской революции колеблет красные полотнища первомайских знамен.

Сегодня за рубежами нашей страны многомиллионная армия пролетариев выйдет на улицы капиталистических городов, возглавляя колонны единого фронта борьбы с войной и фашизмом, демонстрируя преданность великим и действенным лозунгам Коммунистического Интернационала. Могучую поступь этой армии не остановит ни свирепый террор фашистских палачей, ни аресты, ни пытки, ни тайные убийства революционеров. Им не сломить боевой энергии и революционной ярости масс, ведущих историческую борьбу за счастье человечества.

В этот день мысли всего трудового человечества будут обращены к нашей стране, где воплощены в жизнь мечты бесчисленных поколений революционеров, где социалистический строй победил окончательно и бесповоротно. Как могучий прекрасный маяк высится наша страна над мраком капиталистической ночи, указуя пути раскрепощения трудящихся всего мира. На улицах Парижа и Шанхая, Чикаго и Варшавы прозвучат сегодня восторженные клики любви к нашей великой родине, имя СССР с надеждой и вдохновением произнесут бесчисленные узники капитализма, томящиеся в концентрационных лагерях Германии, в застенках японской полиции, в каторжных тюрьмах капитализма. Бойцы китайской Красной армии и немецкие коммунисты-подпольщики, революционные орлы Астурии и героические польские текстильщики — все они сольют сегодня свою радость с радостью рабочих и колхозников Советского Союза, празднующих замечательные победы социалистического строительства. Великая пролетарская революция в СССР, утвердившая социалистический строй на шестой части земного шара, — неразрывная часть мировой революции, и поэтому празднество наше проникнуто духом подлинного пролетарского интернационализма. Имя Эрнста Тельмана, Матиаса Ракоши, Антикайнена; имена героев революционной борьбы за рубежом написаны на всех первомайских знаменах страны.

Счастливый народ социалистической страны, рабочие и колхозники, раскрепощенные женщины, великолепная наша молодежь, наша могучая Красная армия — выйдут сегодня на празднично украшенные улицы городов и сел и по всей необозримой стране, от края до края, расплеснется радость нашего праздника — праздника победителей. Первое мая стахановского года Советская страна встречает в условиях невиданного взлета творческой энергии масс, в условиях успешного развертывания борьбы за новую социалистическую производительность труда. Люди заводов и шахт, колхозов и совхозов, вузов и школ приходят на первомайскую демонстрацию с показателями своих успехов в производстве и учебе. Ломая консерватизм и саботаж, опрокидывая злобное сопротивление последышей разбитых в открытом бою эксплоататоров, люди Советской страны победоносно борются за полное и всестороннее овладение техникой, за выполнение и перевыполнение планов социалистического хозяйства. Гордость и цвет страны, новые люди социалистического общества—стахановцы—показывают всему миру, какие огромные силы, какие неисчерпаемые родники таланта, воли и революционной энергии, таящиеся в народных массах, раскрывает социалистический строй.

Расцвет советской демократии, замечательный культурный под'ем масс, изо дня в день растущий уровень материального благосостояния рабочих, колхозников, учителей, врачей, всех трудящихся — вот что, наряду с замечательными победами социалистического хозяйства, делает наш первомайский праздник радостным, бодрым, счастливым всенародным торжеством. Гром наших оркестров, звуки наших песен, голоса нашей братской любви к трудящимся всего мира, стальной клекот наших боевых самолетов, тяжкий грохот наших танков на первомайских парадах — прозвучат далеко за пределами нашей страны.

Там, за этими рубежами, где борются миллионы друзей великой социалистической державы, господствуют еще непримиримые и жестокие враги социализма. Фашистские псы капитализма, чью власть упорно и успешно подтачивают успехи мирового революционного движения, готовят новые кровопролитные войны, в первую очередь войну против Советского Союза. Кровавые выродки капитализма, оголтелые и заклятые враги трудящихся открыто говорят о нападении на нашу страну, мечтая превратить миллионы свободных строителей социализма в колониальных рабов. Советская страна, ведущая неуклонно политику мира, спокойно смотрит на гнусную возню поджигателей войны, бешено вооружающихся за счет ограбления трудящихся масс. Великая советская держава не боится ничьих угроз; она готова ответить громовым ударом на удар врага. Поэтому с таким восторгом приветствует советский народ свою могучую Красную армию, ее бойцов и командиров. И в день 1 мая, в день принятия молодыми бойцами торжественного обещания преданно и бесстрашно служить делу обороны своей родины, вся страна с любовью и восхищением вспоминает героев-дальневосточников, показавших наглому врагу крепость наших границ, отвагу наших бойцов, мощь наших вооруженных сил. Пусть учтут этот опыт кровавые псы фашизма.

Чувство величайшей, самоотверженной и преданной любви к социалистической родине об'единяет миллионные колонны трудящихся, демонстрирующих сегодня под боевыми лозунгами ЦК ВКП(б).

Это могучее чувство волнует миллионы человеческих сердец всякий раз, когда произнесенное в речах и песнях, написанное на знаменах и плакатах, возникает над боевыми колоннами демонстрантов имя того, кто ведет великую коммунистическую партию, весь народ Советской страны от победы к победе. Имя великого вождя трудового человечества товарища Сталина звучит сегодня во всем мире, как призыв к борьбе и победам, об'единяя всемирную, великую армию труда, вдохновляя историческую борьбу и работу миллионов.

Галактион Табидзе

1 мая

Лучезарный полдень перед нами
Синие ворота распахнул,
И весна зелеными штыками
Предо мной берет на-караул.

Многократно шел, победоносен,
По Советскому союзу май,
И пронес немало ярких весен
По стране побед, из края в край.

И звучит, как прежде, новым маем
Передача на большой волне:
— Мы желаем мира! Мы желаем
Завершить социализм вполне!

Все, кто строит нынче это зданье —
Мужественный праздничный наш мир,
Кто вступить желает в состязанье
Дружеских резцов, палитр и лир, —

Музыкант, поэт и живописец,
Все, кто в звуки с красками влюблен,
Дайте руки мне — и торопитесь
В сень коммунистических знамен!

Перевел с грузинского **БОРИС БРИК**

А. Сурков

Так будет

Грозовым предвестьем близкой борьбы
Походная песня обходит дороги.
В серебряном горле военной трубы
Созрели высокие ноты тревоги.

Так будет: копытами конниц пыля,
Нагрянет нахрапом военная проза.
Готовые к радостной жатве поля
Накроет зловещая тень бомбовоза.

Но раньше, чем в небо взлетит воронье,
Затворы винтовок пристынут к ладоням.
Подаст Ворошилов команду: — В ружье!
Буденный ответит командой: — По коням!

Мы—люди работы... Любому из нас
Походка труда дорога и знакома.
Готовы ли мы в назначенный час
Подняться в поход по приказу наркома?

За тех, кто в семнадцатом, встречу войне
Бестрепетно бросил весну человечью,
Вождю своему и родимой стране
Я песней-присягой сегодня отвечу.

Ровесники века, мы вместе, друзья,
Отчислены были в запас после боя,
Но сердце мое и песня моя
Не вышли из красноармейского строя.

Мы дружбе походной поныне верны.
Она не сгорит до последнего часа
В сердцах боевых командармов страны,
В сердцах незаметных армейцев запаса.

Военной угрозы удушливый дым
Не скроет от взгляда походное знамя.
Мы в грозное завтра спокойно глядим:
И время за нас, и победа за нами.

СМОТР НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

ОТ НАШЕГО ЛЕНИНГРАДСКОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Афишные столбы в Ленинграде заклеены необычными анонсами. В театре Мюзик-холла — смотр искусства народов СССР, в Филармонии—концерт детского творчества; в театре Музкомедии — вечер краснофлотской самодеятельности, в Консерватории—художественную самодеятельность показывают профсоюзы. Все новые и новые афиши покрывают столбы.

Прологом к этому параду народных дарований был первый вечер национальной художественной самодеятельности. В нем участвовали двадцать семь национальностей.

Среди цыган-лудильщиков, исполнявших таборные песни и пляски, среди хоров эстонцев и латышей и китайских колхозников-огородников, показавших революционную пьесу в постановке своего самодеятельного театра, сохранившего традиции классического китайского театра, среди «леагинок» и «кабардинок» кавказских народов нам особо хотелось бы выделить выступления студентов Института народов Севера—нанайцев коряков, эвенков, эскимосов...

Их своеобразные игры и песни теснейшим образом связаны с жизнью и бытом народа. Танец коряков изображал плывущую нерпу, а эскимос Ацетахи исполнял пляску ворона. Темы игр нанайцев — приключения рыбаков на лодке, рассказ о характерах разных рыб и даже фехтованье на палках идет от «боя на веслах», которым когда-то рыбаки-нанайцы разрешали споры. Очень интересен фольклор северных народов.

Эвенкийской народной песней о Ленине начались выступления студентов Института народов Севера. Надо сказать, что в этом институте впервые создается национальный театр малых северных народностей. Театр широко использует национальные формы народных игр, бытовых обрядов и богатый фольклорный материал. Мы рекомендуем Московскому театру народного творчества заинтересоваться художественной самодеятельностью студентов Института народов Севера. Такая клоунада, как «борьба двух малышей», исполняемая нанайцем Семеном Киля, замечательна по юмору и мастерству.

Не менее интересен был концерт детского творчества в Большом зале Филармонии. Один из крупнейших современных дирижеров, Фриц Штидри, после концерта сказал:

«Во многих странах мира я видел и слышал играющих, поющих и пляшущих детей. Но ничто не может сравниться с вечером детского творчества в Филармонии. Такого сказочного концерта не было и не может быть ни в какой другой стране, ибо ни в одной стране, кроме Советского союза, нет и не может быть подобного расцвета художественных дарований. И ни в одной стране, кроме Советской, юные музыканты, певцы и танцоры не исчисляются тысячами и не получают таких возможностей для развития своих талантов».

В самом деле, где мыслим еще такой хор из шестисот пионеров и школьников, блестяще исполнивший «Полюшко» Книппера и песню солдат из оперы «Тихий Дон»? На огромной эстраде Филармонии еле уместился симфонический оркестр ребят. А для сводного духового оркестра и оркестра народных инструментов школ, пионеротрядов и детских домов пришлось занять часть концертного зала.

Очень трудно выделить кого-либо из исполнителей колоссальной и разнообразной программы этого концерта. Когда 8-летняя Валя Никифорова с подлинно художественным мастерством исполняла «Фантазию» Моцарта, Фриц Штидри поспешил за кулисы и долго искал девочку среди 2 000 юных артистов, чтобы вновь усадить крохотную пианистку за рояль и еще раз послушать ее игру.

Смотр народного творчества в Ленинграде продолжается. По предварительным данным, в смотре участвовало более 100 000 человек. И на каждом вечере—будь то вечер рабочих машиностроителей, транспортников, или красноармейцев, или краснофлотцев—перед нами новые таланты.

Конечно, в результате этого грандиозного смотра художественной самодеятельности масс можно будет сделать выводы и о многих недостатках нашей массовой художественной работы и, в первую очередь, о недостатке руководства и помощи со стороны профессионалов искусства. Так, например, имеются факты, свидетельствующие, что вместо ориентации на народное творчество, некоторые клубные работники неверно ориентируют художественную самодеятельность на псевдонародные жанры профессиональной эстрады. На концерте детского творчества, богатого музыкой, песнями, танцами, на последнем месте было художественное чтение. Разве это не результат невнимания к художественной литературе в школе?

Одно несомненно—этот смотр явился праздником народного творчества, которым город Ленина встречает первомайские дни.

Ленинград. **Б. РЕЙТ**

Песня о Ленине

(Кабардинская)

Вы нас лишили
молока и хлеба.
Как холеный скот,
заплываете жиром.
Плохими законами
ограждаетесь, как стеной.
Грабите нищих,
пищу их едите.
Под подушкой у вас
ключ от нив и пастбищ.
Ключ ваших богатств —
в древней неправде, —
Кровь на них —
как ржавчина на стали;
Ржавчиной стала
наша кровь.
Уже затупилась сталь
на наших сердцах.
Железный град
выпал в Москве.
Богатырские мосты
в лунную ночь
Ленин прошел
на глазах у врагов —
Под грозой пушек,
под дулами ружей.
При рождении месяца
меркнут звезды,
Умирает ночь
при рождении дня.
Царское величие
обратилось в тлен.
Ленина лепят
из белого гипса.
Мир увидел
большую охоту:
Уздени и пши[1].
стали волками и лисицами,
Ищут нор,
теряя зубы,
Торопливо спасаются
в чужих норах.
Но Ленин-охотник
неутомим.
Царские законы
он разрушил,
Зарыл их в землю,
словно падаль.
Дал вдоволь молока
детям нищих.
Пши и узденей
лишил довольства,
Сладкую жизнь
у них отнял,
Был он—как корабль
в бурном море,—
Берег счастья
мы увидели.
В вечность скатился
он, как звезда,
Но навсегда
след свой оставил.

Перевел с кабардинского
АНДРЕЙ ГЛОБА.

[1] Князья.

ПРАЗДНИК КАЗАХСКОГО ИСКУССТВА

Коллектив Казахского государственного музыкального театра, Филармония и советские писатели Казахстана деятельно готовятся к майской декаде казахского искусства в Москве и Ленинграде.

Весть о декаде была встречена с огромной радостью всеми трудящимися Казахстана. Из самых отдаленных районов КазАССР для участия в декаде съезжаются выдвигаемые аулами народные акыны (импровизаторы) и жирши (сказители былин). Проводы этих народных певцов — акынов — превращаются в подлинно народный праздник аулов. Каждому акыну, каждому жирши дается наказ — в вольной песне и стихе рассказать о пройденном казахским народом пути от кабалы и нищеты к сегодняшней зажиточной, веселой жизни, воспеть беспредельную любовь казахского народа к родному Сталину. Эту любовь своего народа очень хорошо воспел в своей недавней импровизации народный акын Меркентского района КазАССР Рахим Кулбаев:

Я цветущих степей певец,
Позабывший тяжесть забот,
Я пою тебе, Сталин, песню,
И со мною поет весь народ.
Смел, красив и могуч жолбарс[1]
Полосатый степной батырь,
Но сильнее во много раз
И отважнее жолбарса—ты!
Зорок беркут, степной орел,
Озирающий мир с высоты!
Но народ ты к вершинам привел,
Дальнозорче беркута—ты!
Много мудрости знает народ,
К солнцу вышедший из темноты,
Но народ за тобою идет,
Всех мудрее на свете — ты!
Ты—великий вождь и мудрец!
Тебе мудрость веков дана,
Называет тебя певец
В своих песнях Аскан-дана[2].

С казахского перевел
К. Алтайский.

С таким большим размахом народной поэзии, о такой искренностью могут петь только советские народные акыны. В прошлом такие певцы, выражавшие чаяния и думы казахского народа, подвергались преследованиям и гонениям как со стороны царских сатрапов, так и феодалов-баев.

Сегодняшний акын—это живая газета, это массовик, организатор советской общественности в ауле, это обличитель врагов народа—вредителей, лодырей и т. п. Советский акын —самое популярное и почетное лицо в ауле. Сейчас каждый район, каждый аул стремится иметь своего акына. Акыны и жирши советского Казахстана со своими песнями впервые выступят перед пролетариями красной столицы и города Ленина.

Кроме акынов в декаде примут участие 300 деятелей казахского искусства, среди них—народные артисты Елеубай Умурзаков, Жумат Шанин, заслуженные артисты Куляш Байсеитова, Жандарбеков, Куанышаев, Кожамкулов, Байсеитов, а также певцы Елебеков, Ержанов и др.

Из советских писателей Казахстана приезжают Сейфуллин, Майлин, Жансугуров, Мукаев, Аузов, Тогжигитов, Матамбетов и другие лучшие представители казахской литературы.

Подготовка к декаде совпала с развернутой дискуссией о советском искусстве в связи со статьями «Правды». И это определило характер подготовки к декаде. Коллектив театра и казахские писатели отбирают для показа столице Советского союза лучшие образцы казахского искусства. Каждая пьеса, каждый номер художественной программы, каждое литературное произведение подвергаются развернутой конкретной критике со стороны казахской советской общественности.

В дни декады советские писатели выступят с новыми художественными произведениями и статьями на страницах центральных газет и журналов.

Правление союза советских писателей СССР организует литературные вечера, посвященные казахскому искусству. На этих вечерах выступят лучшие представители казахской литературы, а также и ленинградские и московские писатели, связанные с Казахстаном, — Л. Соболев, В. Иванов, Ф. Березовский, Рождественский, Селивановский, Киршон, Тарловский, Пеньковский, Сидоренко, Шарипова, Алтайский, Берзин, Лукницкий и другие.

Музыкальный театр покажет в предстоящую декаду две свои лучшие музыкальные пьесы—«Кыз-Жибек» и «Жалбыр», завоевавшие большую популярность среди казахских трудящихся.

В концертную программу включены все виды казахского искусства, начиная от кюйев (инструментальные пьесы в исполнении национального оркестра им. КазЦИК) и кончая народными песнями, массовыми играми, танцами и т. д.

В дни декады, наряду с показом лучших образцов казахского искусства, деятели казахской литературы и театра установят тесную связь со своими старшими братьями—писателями и работниками театра и музыки русского пролетариата.

Мы уверены, что их братская помощь, товарищеская критика и практические советы послужат новым толчком для дальнейшего и еще более быстрого расцвета молодого казахского искусства.

Г. ТОГЖАНОВ
Председатель союза советских писателей Казахстана.

[1] Жолбарс по-казахски—тигр.
[2] Аскан-дана по-казахски — превосходящий всех гениев.

АНДРЭ ЖИД

Вопросы советским детям

Разбирая свои бумаги, я нашел копию письма, показавшегося мне интересным и заслуживающим того, чтобы сохранить его. Я иногда получаю письма от людей, профессия которых не имеет ничего общего с литературной работой; они просто, непосредственно и наивно высказывая то, что считают правдой, оставляют далеко позади все ухищрения самых искусных литераторов. Это письмо было написано моим шурином четыре года тому назад. Шурин мой всегда жил в полном уединении, вдали от мира: земледелец, он чувствует себя особенно хорошо среди животных, которых он разводит, кроме того, главное его занятие — это охота. Впрочем, он не чуждается книг, не лишен литературного вкуса и культуры, как это явствует из краткого рассказа его, который я привожу:

«...Целая неделя пройдет, пока я приду в себя и успокоюсь после сильного волнения, которое я испытал третьего дня вечером.

После обеда мы с Жанной гуляли по берегу устья Сены. Мы дошли до одного места, где растут камыши и где я часто видел по вечерам уток; я машинально блуждал взглядом по воде, которая стояла высоко. Вдруг на уровне воды я замечаю что-то черное, неподвижное. Мне показалось, что я вижу комок шерсти и [illegible], пристально смотрящие на меня. Сильно заинтересованный, я спу[illegible] и вижу несчастную собачонку, на шее, большой камень не давал ей возможности двинуться с места. Голова выступала из воды; вода достигала губ, и это мешало собаке выть, но в глазах у нее было умоляющее выражение.

Легко было представить себе, как это произошло: какой-то тип хотел утопить собаку, может быть, потому, что налог на собак был увеличен до сорока франков, бросил ее в реку метра два от берега, полагая, что там глубоко, и негодяй ушел, не обращая внимания на вопль своей несчастной собачонки, думая, что она потонет, когда начнется прилив.

Я хотел влезть в воду и вытащить собаку, но Жанна не пустила меня, так как я только что пообедал; тогда я пробежал полкилометра и попросил косарей помочь мне сдвинуть большие камни с... (неразборчивое слово) и косой притянуть утопающее животное к берегу. Один из них пошел со мной. Он сказал, что мы успеем, так как вода спадает. Наконец, нам удалось вытащить собаку. Она не могла стоять на ногах, так она устала. Мелочи у меня было только два франка, и поэтому мне пришлось дать этому человеку десять франков, и он был в восторге. Затем я приласкал собачонку, которая лизала мне руки, и мы закутали ее в шерстяное пальто Жанны. Когда мы вернулись домой, собака в сильном возбуждении стала прыгать и носиться повсюду. Тут я внимательно осмотрел ее. Я увидел, что ей было не больше четырех месяцев; помесь фокса, шерсть жесткая, но ноги уже слишком длинные: еще одно несчастное существо в будущем. Тогда я налил ей в тарелку половину похлебки, приготовленной для моей собаки, и увел ее в конец сада. Она жадно ела и махала хвостом. При последних глотках ружейный выстрел раздробил ей череп и разбил тарелку. Я похоронил ее. Жанна сказала мне: «Стоило ради этого?»

Да, стоило! Вода спадала; собака всю ночь ждала бы смерти при новом приливе. Благодаря мне, она видела, как люди пришли и спасли ее, приласкали, а когда она согрелась, насытилась вкусной похлебкой, их направили к прохожим так, что она ничего не заметила.

Но это так потрясло меня, что мне пришлось принять немало белладоны, чтобы успокоиться...»

Когда я прочел этот рассказ некоторым друзьям моим, меня очень удивило, что они весьма различно реагировали на него; у одних он вызвал восторженное одобрение («Ах, какой славный человек! Как хорошо он поступил!»), другие только пожимали плечами («Зачем, чорт возьми, он сделал это? Это сумасшедший!? Нужно было сейчас же убить собаку или спасти ее и оставить у себя»). Так реагировала на это, как видно из рассказа, и жена моего шурина.

Я подумал, что было бы интересно прочесть этот небольшой рассказ школьникам Советского союза. Мне было бы особенно интересно узнать, как они реагируют на него. Мне кажется, что их отношение к этому вопросу будет новым, неожиданным. Я охотно проделал бы подобный опыт в школах Франции, если бы только у меня была возможность сделать это. Я подумал, что в Советском союзе не исключена возможность добиться того, чтобы этот рассказ был прочтен в школах, и чтобы учителя задали детям ряд вопросов. Например: «Какого вы мнения о поступке Х. с собакой? Считаете ли вы, что он был прав или неправ, поступая так? Как об'ясняете вы его поступок? По каким соображениям вы одобряете или порицаете его? Как поступили бы вы на его месте?» Само собою разумеется, важно было бы, чтобы учитель не высказывал детям своего личного отношения к этому поступку и своего суждения, чтобы он предоставил им полную свободу высказать их мнение, не вмешиваясь и не пытаясь воздействовать на их суждение. Единственное, на что следовало бы обратить их внимание, это на то, что мой шурин — животновод, и потому (если угодно, по «профессиональной односторонности») придает особое значение отличительным признакам отдельных экземпляров. Следует прибавить, что он обладает очень скромными средствами и не может позволить себе роскоши кормить лишние рты.

Я думаю, что если бы дети ответили письменно, то небезынтересно было бы опубликовать самые ценные, самые значительные ответы. Я лично очень хотел бы ознакомиться с этими ответами и узнать также, в каком смысле высказалось большинство ответивших: В результате, может быть, окажется возможным организовать подобную анкету и в других странах.

Я знаю, что, опубликовывая этот рассказ, я вызываю сильное недовольство моего шурина, но это касается только нас двоих.

Рис. Ф. Мазерееля: «Праздник трудящихся»

Л. Первомайский

Егише Чаренцу

Армянскому поэту, которого, как и многих других, удивляло мое прозвище.

Немало есть имен, берущих сердце в плен.
Я мужественность их, я звучность их приемлю:
К примеру — Егише, отлично... а Гурген?
Не ураган ли в нем, встряхнуть готовый землю?

Чаренц... вот прозвище, которое само
Взметнет, лишь прозвучит, волнующие мысли
Про стариковское доплатное письмо,
Про слезы матери, что в воздухе повисли.

Иные прозвища — как корни, что вросли
В тяжелый, душный быт, в житейскую трясину...
Но всю планету мы, как ветку, потрясли
И гнем историю, как гнет бочар тесину.

Я корень подрубил — признаюсь в том тебе —
И имя мне мое тем временем напето,
Когда услышал я, как в яростной борьбе
Гудят полотнища малинового цвета.

Я вижу, как горит и падает Чапей,
Как множатся бойцы, чьей поросли не свалишь,
Как, слыша звяканье жандармских портупей,
Презрительно к стене идет Коломан Валлиш.

Я жду испанских туч из далей голубых,
Я их приветствую, в Астурию влюбленный,
И инсургентский гимн повстанцев молодых
Не молкнет над землей, врагом испепеленной.

Вот Тельман выглянул в тюремное окно...
Вот над Берлином гром, придавленный, потайный...
Суоми грустный край! И тут не так давно
Навек упрятан тот, чье имя Антикайнен.

И Ракоши Матьяс не слышит, как Дунай
Шлет Тиссе влажный гул сурового привета.
В крови лежит земля, но всюду месяц май
Проходит ливнями малинового цвета.

Их много, тех имен, что, в мире прошумев,
В мою фамилию вплетаются, как звенья.
В ней наша воля есть. И есть призыв. И гнев.
И победителей ликующее пенье.

Перевел с украинского
МАРК ТАРЛОВСКИЙ

Егише Чаренц

Четверостишия

1

Мечтали страстно вы, певцы былых времен,
Что в светлый будет сад наш мир преображен;
Мы к долгожданным дням приблизились, но помни:
Ваш благородный труд и благородный сон.

2

В стране, где Гутенберг открыл глаза на свет,
От пламени костров пощады книгам нет.
Да! Тех, кто нам грозит войной священной, в гуннов
Свирепых превратил преступный этот бред.

3

Певцы моей страны, все ваших песен ждут;
Вам радости людей дано воспеть и труд.
Дух песни, изгнанный из края Гейне ныне,
Пусть пламенную жизнь свою продолжит тут.

4

О, Запад, гениев растивший до сих пор,
Ты ныне сделался — позор тебе, позор! —
Театром ужасов. Но сквозь твои пожары
Красу грядущих утр наш различает взор.

5

Вновь тучи мрачные покрыли окоём,
И мстительная смерть присела за бугром,
Но тщетно гибелью грозят они: победа,
Что одержали мы, все крепнет с каждым днем.

6

История, верша чудесный свой полет,
Руками нашими людской стремится род
От гибели спасти, но кровью и железом
Его столкнуть назад пытаются на лед.

7

Нет, вспять история свой не направит бег:
Делами нашими гордится человек.
Пускай идут сюда звериные оравы, —
Их здесь настигнет смерть и унесет навек.

8

Разрушен нами мир нас тяготившей тьмы,
Всю волю к творчеству в себе собрали мы.
Для нас отныне нет преград, раз мы сумели
Дух из безвыходной освободить тюрьмы.

9

История дала нам трех учителей;
Один помог нам мысль растить в тисках цепей,
Другой явился к нам и разорвал оковы,
А третий ввёл в русло теченье наших дней.

Перевел с армянского О. РУМЕР

МУЗЕИ ЛЕНИНА

М. ШАГИНЯН

Прямо перед Большой московской гостиницей, над полукружием каменного в'езда, высится громоздкое, старомодное здание медно-красного кирпича. Через него прошли полчища людей, в нем гнездились такие хозяева, как финотдел и МСПО, и совсем недавно лестницы его были исхожены, пол обшаркан, стены ободраны, двери облуплены. А сейчас, потянув за изящную скобу медленную, тяжелую, ничем не похожую на прежний казенный вход стильную дверь, — вы вступаете в мир тишины. Такой тишины и сосредоточенности, что ходить сюда, еще и еще раз, не забегать с улицы, а именно ходить, с расчетом на свободное время, с полной отдачей себя, — становится для вас постепенно потребностью.

Ковры приглушают звук, свет превращен в равномерное сиянье, источник которого скрыт от ваших взоров, спрятанный за карнизом так же, как спрятаны в стенных шкафчиках штепселя. Даже присутствие десятка экскурсий зараз не разбивает этой сосредоточенности, обдуманно достигнутой необычайным оформлением музея. Справа и слева от лестницы благоухают две круглых вазы с цветами, — он всякий раз кажутся только что распустившимися, их непрерывно меняют, но кроме них цветов нет. Гармония и мера во всем — в освещении, убранстве, окраске и звуке. Тихий, но ясный сквозь тишину голос экскурсовода, взлет его тонкой и неострой палочки, ожерельем мерцающее вокруг комнаты освещенье, — и вы медленно движетесь, охваченный сокровищем собранной тут, обдуманно и шаг за шагом раскрывающейся, входящей в память и разум сильнее всякой книги, точнее всякой формулы, картины единственной в истории мира борьбы за становление партии, за становление нового человеческого типа — борца-большевика.

На прошедшем комсомольском с'езде больше всего говорилось об «учебе». В ученье упиралось все: не только вопрос о будущей работе, — учиться, чтобы **знать**; не только вопрос о будущей цели, — учиться чтоб **уметь**; но и вопрос о душевном и волевом строе, о характере — учиться, чтоб **быть**. И ясное дело, этот об'ем вопросов приводит к еще одному неизбежному вопросу: на чем и при помощи чего, по каким пособиям лучше и вернее вести учебу, наживать знание, умение и характер. Книга, школа и своя школьная общественность — это еще не все возможности. Кто прочитывал старые вузовские многотиражки за последний год, тому наверное бросилось в глаза, как часто цитируются в них замечательные слова Кирова, где он говорит: знать такую науку, как сопротивление материалов, советскому инженеру необходимо, но и не менее необходимо знать ему другую науку, — сопротивление классового врага. И вот очень большим и вдохновенным пособием к такому ненаписанному учебнику может быть это вместилище ленинского жизненного пути, обдуманно и прекрасно созданное, в сказочно короткий срок, коллективом Ленинского музея.

Надо только с самого начала предостеречь посетителей: жизнь величайшего в мире человека — не двухчасовая прогулка, ведь и о простой человеческой доле есть пословица «жизнь пережить — не поле перейти». Двадцать комнат, в которых расположен музей, — от первой, где вы видите Владимира Ильича ребенком, гимназистом, студентом, — и до последней, погруженной во мрак, траурной комнаты, всякий раз озаряемой экскурсоводом лишь на несколько минут, чтоб ее красный и черный тона, ее багрово-траурные знамена, ее торжественная тишина бросились вам в глаза мгновенными, горячими слезами скорби по утраченному, — и такому родному и близкому. — эти двадцать комнат— ведь это пятьдесят три года не только одной человеческой судьбы, но и пятьдесят три года истории партии и революции.

В первый раз их надо пройти непременно с экскурсоводом. Ленинский музей подготовил очень хорошую группу экскурсоводов (с высшим образованием, с отличным знанием не только экспонатов музея, но и истории партии). В два-три часа они покажут и выделят в каждой комнате самое существенное, и в помощь первому беглому осмотру придет скульптура, живопись, макет (правда, скупо представленный), подлинные вещи Ильича, — его старенькие часы, ручка, которой он подписал первый декрет советской власти, нехитрые инструменты сельского труда, — грабли, пилка, старая коса. — которыми он работал, скрываясь в Разливе, да так хорошо и умеючи работал, что соседи приходили просить старательного работника подсобить и им; пальто, пробитое пулями убийцы, и одна пуля, извлеченная из Ленина, надрезанная и отравленная, со следами яда, к счастью для Ильича потерявшего свою силу в промежуток до выстрела (с другой, неизвлеченной пулей, он так и жил до самой смерти); придут в помощь осмотру с большим вкусом и опять с тою же мерой сделанные зарисовки со всех почти мест, где жил и работал Ильич, — огромные витрины с расписанием двух полных дней Ленина как председателя Совнаркома, и точно восстановленный во всех деталях, вплоть до искусственно сделанных окон и стеариновых свечей в подсвечниках (на время прекращения электричества) его кабинет в Кремле. Но этот короткий пробег с экскурсоводом должен быть лишь первой вступительной лекцией к изучению музея. Тот, кто захочет легко и наглядно поучиться у величайшего учителя, сделать его самого экскурсоводом по музею, должен внимательно и любовно ходить сюда не день и не два и даже не месяц, а месяцы, и эта школа даст ему столько, сколько ни одна другая.

Ильич будет говорить с ним в этой школе своим собственным полным голосом. Не только потому, что в последней комнате и действительно раздастся его мягкий, быстрый, напористый говор со знакомой картавостью (экскурсовод даст вам прослушать пластинку с записанной речью Ленина), но и потому, что в музее обступит вас главный экспонат, на котором создатели музея справедливо сделали ударение, — рукописный документ. Во всех анкетах и справках Ленин писал в графе о своей профессии:

«литератор»

Но Ленин был особым литератором. Нет ни одного слова, написанного им, где стояло бы на адресе: «никуда», иначе сказать, все, что писал он, направлено к живым людям, проникано глубочайшей внутренней убежденностью. А когда говоришь из такой предельной волевой полноты, слово, даже и написанное, носит характер звучащего, т. е. имеет свое особое отражение не только в стиле и строе синтаксиса, но и в **почерке и манере письма.** Изучая писанную речь Ленина (его рукопись), невольно подмечаешь за собой, что ты ее ловишь не только глазами, вшептываешь в себя не только безмолвным движением губ, но и как бы улавливаешь ее ухом, словно она не только читается, а и слушается. Таково почти постоянное впечатление от рукописи Ильича. Чем оно создано? Как сохранилась в буквах, в чернильной и карандашной вязи живая речевая интонация, заразительно убеждающая вас не одним смыслом и логикой, но и самым тоном сказанного? Она сохранилась в свойстве гениального педагогизма — желании наиболее понятно передать, наиболее просто и точно высказать, наиболее крепко дать почувствовать и убедить. Когда это желание переносится на бумагу, оно невольно приводит и к особой культуре почерка (борьбе за его наибольшую разборчивость), и к целому ряду вспомогательных приемов, — умению часто, но всякий раз глубоко осмысленно пользоваться подчеркиваниями, скобками, кавычками, выносом в сноску, особым знаком. Писать Ильичу приходилось много, иной раз в очень плохих условиях, при скудном огне, в шалаше, в подвале, в сырой и неуютной работе [illegible], которую Ильич не хотел покидать, потому что хозяйка обнаружила в разговоре душу настоящей большевички.

Писать Ильичу приходилось торопливо, не зная иной раз, что будет на завтрашний день и удастся ли окончить. Почерк у него от природы (если вообще можно говорить о каких-то природных расположениях и особенностях почерка!) был скорей мало разборчивый, с большим размахом по вертикали, заставлявшим его, когда он спешил, делать длинными семерками букву т, высоко раскидывать концы буквы б, но особенно любил он большой наброс буквы г и всегда превращал букву п, букву маленькую и не имеющую в русском алфавите никакого выхода над строкой, — в латинское l, высоко его вскидывая и заостряя верхнее колечко в виде простой единицы. Но эти отступления от нормы так называемого «каллиграфического» почерка Ленин умел терпеливо обуздывать, когда работал над рукописью, назначаемой к печати, и вы глазами чувствуете великую тщательность Ильича не только в языке, формулировке, логике, но и в том, как он тут, на бумаге перед вами, с настоящей заботой о вас, живом читателе, наборщике, корректоре, — тщательно и с видимым старанием, в разбивку, выводит одну за другой буквы, которые обычно, как слова в речи оратора, тянет его вязать единым, широким взмахом торопливого движенья руки. Разверните двадцатый том собрания и посмотрите одну за другой,—страницы третью и двадцать первую. Фотография уменьшена против подлинника, и тем ярче бросается в глаза разница между этими двумя страницами. Первая — частное письмо к Колонтай, поспешное, с меньшей заботой о разборчивости. Вторая — рукопись «Писем издалека», и тут вы видите кропотливую чеканку каждой буквы.

Подчеркивания у Ильича — это целая музыка. Он подчеркивает и единажды, и дважды, и трижды, а те слова, которым придает особое значенье, пишет и особо крупными буквами, и, не удовлетворяясь этим, размашисто, энергично, по нескольку раз подчеркивает. В чтении вы не можете избежать этих слов или пропустить их, они направлены прямо на вас, и это наиболее характерно как раз для рукописей Ильича, которые рассчитанны на немедленное действие, — записок, резолюций, конспектов речи, набросков плана. Бросается в глаза, — при обилии употребляемых Ильичем приемов повышения тона в письме, подчеркиваниях и увеличениях букв, — удивительная его нелюбовь к восклицательному знаку в самом тексте. Он почти не ставит его там, где обычно, по правилу **грамматики и риторики** (т. е. по учебным правилам красноречия), уже как бы формально, по заведенному, место восклицательному знаку. Когда же ставит, то пользуется им для выхода из текста, обозначая на полях, в скобках, сбоку, вслед за вопросительным знаком — нечто такое, на что следует обратить внимание, или передавая восклицательным знаком не радостно-повышенное настроение, а насмешку, иронию, негодованиe.

Вот почему, как только вы вживетесь в лицо ленинского документа, голос его, — наставника, оратора, трибуна, — взаимучит вам и сам будет помогать разбираться в богатстве музея. Каждая комната, — у входа и выхода, — имеет еще двух важных помощников для вас. Вокинув глаза на стену, вы видите график передвижения Ильича на протяжении тех лет, которые охватывает данная комната. Составлен он довольно трудно, вернее оказать, — разобраться в нем требует известного усилия, но зато, разобравшись, вы крепко запоминаете маршрут Ильича и те города и местечки, где он задерживался. А сбоку у стены стоит столик со стеклянным ящиком (они стандартны для всех зал музея). В ящике — красные переплеты тех именно томов третьего издания Ленина, в которых вы можете прочесть все, что относится в его работах к данному периоду; в них вы найдете в печатном виде и рукописи, выставленные на витрине. Эти рукописи — кстати сказать, не подлинники, а мастерские фотокопии — такие удачные, что их трудно подчас отличить от оригиналов. Как правило, все ленинские оригиналы запечатаны в особых сейфах, чтобы время не коснулось их и чернила не выцвели.

После вводного осмотра с экскурсоводом — путь для изучения музея становится ясным. Каждая отдельная зала — это и соответствующий ленинский томик.

Дети часто мечтают о волшебной андерсеновской книге, которую, перелистывая, не только читаешь, но видишь и слышишь, потому что из страниц ее, как из дверей, выходят люди, вещи и города, раскрывают свои окна домики, предметы начинают работать, и люди говорят с вами полным голосом, а когда вы захлопнули книгу, вдруг — и нет ничего, все ушло обратно и спряталось под переплет.

Каждая зала музея Ленина устроена так, как будто содержание ее последовательно вышло со страниц очередного красного томика. Раскройте его, — и вот они, живые люди, города и дома с жизнью в них, молодость революции и ее вождей, и каждый рассказ говорит о главном качестве большевика — уменьи бороться, уменьи трезво, реально, точно взвешивать, выбирать нужное в нужное время, направить удар и ударить, и никогда не терять направленье, ни на секунду не отнимать руки от руля. Но, захлопнув книгу, вы не загоните этого мира под переплет. Он не исчез и не уйдет обратно в страницы, потому, что Ленин, — литератор, — писал свои страницы не для переплета. Этот мир ждет вас за стенами музея, и, выйдя к нему, вы почувствуете, насколько яснее, понятнее и желаннее стал для вас, после знакомства с музеем, бессмертный чертеж этого нового мира.

* Предисловие к книге для молодежи «Музей Ленина», подготовляемой к печати.

БРАТЬЯМ ПО КЛАССУ, ЖЕРТВАМ ФАШИСТСКОГО ТЕРРОРА, УЗНИКАМ КАПИТАЛИЗМА В ДЕНЬ 1 МАЯ—НАШ ПРОЛЕТАРСКИЙ ПРИВЕТ!

Из лозунгов Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) к 1 мая 1936 г.

В ЗАЩИТУ КАРЛА ОСЕЦКОГО

До сих пор в мировой прессе появляются отклики крупнейших деятелей искусства и науки на возмутительные выступления Кнута Гамсуна против награждения нобелевской премией известного немецкого писателя Карла Осецкого. Осецкий, в течение трех лет терпящий пытки в концентрационных лагерях Германии, привлекает внимание и сочувствие широких кругов общественности.

Мы печатаем письма Ромэн Роллана и Лиона Фейхтвангера, резко осудивших поступок норвежского писателя, давшего в руки фашистских палачей оружие против беззащитного, но непримиримого борца-антифашиста Карла Осецкого.

Псы реакции

ПИСЬМО РОМЭН РОЛЛАНА

Мне сообщили текст двух выступлений Кнута Гамсуна. Во втором из них — в письме от 29 декабря, адресованном в редакцию «Die Wahrheit», он заявляет, что никто и ничто не заставит его «нагло» вмешаться во внутренние дела Германии. Но в первом из присланных мне текстов — в статье, которая обращена ко всему миру, Кнут Гамсун сам, хотя его никто об этом не просил, высказывает эту «наглость», к тому же подкрепленную низостью: он обращается к осужденному, заключенному в тюрьму и находящемуся под угрозой смерти немцу, и читает ему нотацию. Кнута Гамсуна ничуть не смущает то, что этим он дает палачам Осецкого оружие против их жертвы, он приветствует расправу с Осецким. В заключение Кнут Гамсун превозносит государственный строй Германии, против которого восстают и Осецкий и совесть лучших европейцев. Разве это не означает, что Кнут Гамсун становится на сторону национал-социалистов?

Этот тип литератора нам знаком. Он напоминает тех литераторов, которые во Франции, после кровавого подавления Парижской Коммуны, приветствовали версальских палачей и, подобно Александру Дюма-сыну и Франциску Сарсе, насмерть травили их жертвы.

Итак, бывший свободный человек, Кнут Гамсун, отныне займет почетное место в своре псов реакции.

РОМЭН РОЛЛАН.

Лицемерие и бесстыдство

ПИСЬМО ЛИОНА ФЕЙХТВАНГЕРА

Кнут Гамсун—большой художник. Больше всего его читали и лучше всего понимали в Германии. Немецкий издатель уверил его, что никогда Германия не блистала более высокой и чистой культурой, чем теперь. Доказательством тому служит любовь немцев к произведениям Кнута Гамсуна; в концентрационные же лагери попадают только те, кто добивается этого во что бы то ни стало. Например присяжный нарушитель мира Осецкий, который забрался туда с исключительно демонстративной целью причинить оттуда как можно больше неприятности своей отчизне. Этот издатель взывает к Кнуту Гамсуну — да отчитает он как следует этого беспокойного склочника, этого воинственного бунтаря.

Почему бы в самом деле Кнуту Гамсуну не оказать эту услугу высококультурной нации, нации присяжных своих читателей?

Видимо, никто не рассказал Кнуту Гамсуну о том, что большинство тех немцев, которые были когда-то первыми его читателями и которые раньше всех принялись за распространение его книг,—что большинство этих немцев вынуждены были покинуть Германию. Видимо, никто не рассказал писателю о том, что человек, который руководит в настоящее время издательством, выпускающим книги Кнута Гамсуна на немецком языке, был раньше офицером германского флота, а теперь является убежденным сторонником концентрационных лагерей, т. е. является полной противоположностью человеку, основавшему это самое издательство. Отнюдь не в интересах Гамсуна обладать какими-нибудь точными сведениями на сей счет.

Гамсуну свойственно чувство благодарности. Германия признала его, — так неужели же он откажет в признании Германии? Он—поэт, он стоит высоко. Его сторожевая башня будет «повыше» конька любой партийной кровли. Он не признает никаких партий, он знает только немцев. И никто не раз'яснил ему даже того, что Третья империя не идентична Германии, что правят в ней люди, которым нет никакого дела до трудящегося большинства немцев, они не видят ничего дальше интересов своих хозяев. Однако вовсе не в интересах писателя Кнута Гамсуна вникать в тонкости различий между Германией и Третьей империей.

Кнут Гамсун очень щепетилен. «Никогда и никто,—заявляет он,—не заставит меня совершить гадость и вмешаться во внутренние дела Германии». Не в его интересах понимать, что он уже вмешивается во внутренние дела Германии, когда становится на сторону создателей концентрационных лагерей против немецкого народа.

Кнут Гамсун считает, что Англия и Франция сокрушают Германию, что они унижают ее. Не в его интересах знать, что представители власти Третьей империи унижают норвежский народ, пытаясь лишить его права увенчать лаврами человека, которого народ этот считает лучшим и энергичнейшим защитником мира. Кнут Гамсун—великий писатель. Когда прочтешь его статью об Осецком и его послание редакции «Wahrheit» начинаешь понимать, почему Платон решил изгнать поэтов из своего государства.

ЛИОН ФЕЙХТВАНГЕР

«ПОДЗЕМЕЛЬЯ ВАТИКАНА» АНДРЭ ЖИДА НА ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Издательство Мондадари выпустило в итальянском переводе «Подземелья Ватикана». Несмотря на то, что книга была предусмотрительно снабжена «обезвреживающим» предисловием, появление ее вызвало бурю в среде итальянских фашистских критиков. Любопытно, что никто из критиков не касается самого произведения, направляя все стрелы против автора — врага фашизма. Андрэ Жид изображается, как отравитель здоровой итальянской молодежи, вскормленной «чистейшим искусством» Габриэля д'Аннунцио.

За рубежом

„Народный театр" в Париже

К открытию Международной выставки 1937 г. в Париже предполагается на месте разрушенного дворца Трокалеро построить новое здание «Народного театра».

Поль Гзелль опубликовал в последних номерах журнала «Регар» проведенную им среди французских писателей анкету о том, каким должен быть народный театр, и возможно ли в настоящее время во Франции осуществление подлинно народного театра.

Известный французский писатель Шарль Мэрэ, председатель общества драматургов в Париже, весьма скептически относится к проекту нового театра. Ш. Мэрэ считает гораздо более целесообразным постройку **нескольких театров в рабочих кварталах** Парижа.

«Это будут подлинно народные театры, которые явятся для драматического искусства Франции источником обновления и возрождения».

Шарль Вильдрак в своем ответе резко разграничивает задачи и характер буржуазного и народного театра. В капиталистическом обществе театр, за редким исключением, преследует единственную цель — обогащение предпринимателя. В связи с этим буржуазный театр, как и кино, по мнению Шарля Вильдрака, могут быть только низкого качества.

Но **народ** полон новых стремлений, душевной свежести и здоровой морали. Он относится с уважением к самым высоким произведениям человеческого ума. «И народный... театр, доступный самому скромному кошельку, должен включить в свой репертуар только самое высокое, самое прекрасное из театра всех времен и народов», — заключает Шарль Вильдрак.

Знаменитый автор книги «О народном театре» **Ромэн Роллан** отозвался на анкету Поля Гзелль большой исчерпывающей статьей.

Ромэн Роллан считает вопрос о постройке народного театра в Париже проблемой не только художественного, но и социального порядка. Буржуазный театр — накануне полного краха. Он сказал свое последнее слово. Устал и он, и его зритель. Экономические, моральные и социальные причины — все способствуют пустоте в его залах. Этот театр себя пережил.

Ромэн Роллан вспоминает, как лет сорок тому назад, встревоженный старческим окостенением буржуазного французского театра, он ощупью искал путей народного театра. Но ему казалось тогда, что народ еще недостаточно осознал свою судьбу и свои силы, и он писал в то время: «Вы хотите искусства для народа? Но для этого нужен **народ**, свободный ум которого мог бы наслаждаться этим искусством».

«Сейчас он есть, этот народ», — пишет Ромэн Роллан.

«Он утвердил себя и свое могущество в грандиозных выступлениях последних лет. Он еще не победил. Но он победит. И он знает это. Каждый из нас чувствует, что мы — накануне великих боев».

Ссылаясь на статью Поля Низана «О возрождении трагедии», Ромэн Роллан соглашается с утверждением автора статьи о том, что трагедия возродилась не на сцене, а в книге, что «революционная литература является современной формой трагедии».

Это об'ясняется, по мнению Ромэн Роллана, тем, что буржуазное государство зорко охраняет двери театра.

«Действие книг не так опасно. Оно распространяется постепенно, не сразу об'единяя разрозненных читателей, которые реагируют на книгу весьма различно. Но театр является ареной непосредственного общения, где чувство распространяется широкими волнами. Рожденные действием и порождающие действия, великие театральные произведения — это битвы истории. И пока существует консервативное государство, оно будет воздвигать преграды распространению в театре этих массовых эмоций, этой революционной энергии.

«Таким образом, каждое обновление существующего мира требует революции. Я писал раньше: «Через революцию — к миру». И теперь пишу: «Через революцию — к народному театру, к новому искусству».

Это не значит, однако, что нельзя приступить сейчас к закладке фундамента народного театра потому, что еще не наступили новые времена.

«Нужно, чтобы наш дух опередил победу. Мы не боремся с мрачным челом за опасное дело. Сама судьба человечества борется в наших рядах. Мы — ее руки, ее голос, ее вера. Будем же ее радостью».

Движение за единый фронт в Канаде

О развитии движения единого фронта в Канаде свидетельствует издание нового журнала «Нью фронтир». «Этот журнал должен, — по заявлению редакции, — во-первых, знакомить читателя с работами тех писателей и художников, которые отражают в своем творчестве социальные явления, и, во-вторых, служить трибуной для прогрессивной мысли». Канадские писатели начинают все больше интересоваться общественной жизнью и создают произведения большой значимости как в социальном, так и художественном отношении. Редакция журнала «Нью фронтир» стремится лучшие из этих работ сделать доступными широкому кругу канадских читателей.

«Кроме того редакция надеется свободным обсуждением различных вопросов, волнующих общественность Канады, достигнуть общей платформы, на которой могли бы об'единиться все передовые люди и безоговорочно бороться против всякой реакции как на культурном, так и на политическом фронте».

Дальше в редакционной статье говорится о том, что в Канаде, несмотря на особые условия, отличающие ее от других стран, существует опасность фашизма. «Никогда еще в истории страны не было такой необходимости, как в наши дни, в ясной мысли и единстве действий писателей, художников и интеллигенции». Редакция надеется, что зловещей реакции будут противопоставлены об'единенные силы всех прогрессивных людей и что «стоящие на перепутьи примкнут к защитникам культуры и цивилизации, как это сделали такие писатели, как Олдос Хэксли, Е. Форстер, Мак Лиш и Андрэ Жид.

Рисунок Я. Берка.

«Жарься зелье, вар варись.
Пламя вей! Котел мутись...»
Шекспир. «Макбет», IV акт. Сцена ведьм.

СЛАВА СТРАНЕ СОЦИАЛИЗМА!

В беседе с сотрудником нашей газеты Георгий Бакалов, известный болгарский историк, член-корреспондент Академии наук СССР, переводчик произведений М. Горького и ряда других советских писателей на болгарский язык, перед от'ездом из СССР поделился своими впечатлениями о двухмесячном пребывании в Советском союзе.

— Я очарован вашей прекрасной страной, где трудящийся народ освобожден от эксплоатации паразитических классов, где он является творцом своей жизни, где он строит бесклассовое общество.

Ваши успехи в строительстве социализма поистине колоссальны. Вы не только подвели фундамент социализма — тяжелую индустрию, но вы уже вскрыли источники благосостояния, изобилия, богатства. Тысячекратно прав великий вождь народов Сталин, сказав, что жить у вас стало лучше, жить стало веселее.

Благосостояние ваше дает вам возможность каждые два года увеличивать население Союза на новые шесть миллионов, т. е. на одну Болгарию, в то время как в капиталистическом мире идет вырождение масс.

Ваша забота о подрастающих поколениях выращивает молодежь, не знающую ужасов капиталистического строя, радостно развивающуюся, имеющую возможность выявить все свои таланты и способности.

Ваши фабрики и заводы, обставленные всеми культурными учреждениями, превращают труд, являющийся в классовом обществе проклятием, в дело доблести, чести и славы.

Стахановское движение ставит практически вопрос о ликвидации противоречия между умственным и физическим трудом и расчищает путь коммунизму.

Ваши колхозы приобщили крестьян к технике и культуре социалистического города и промышленности, уничтожили идиотизм старой сельской жизни, создали благосостояние крестьян, в то время как в капиталистическом мире разобщенные массы крестьян вынуждены тянуть лямку жесточайшей нищеты.

Колоссальная книжная продукция, идущая нарасхват, небывалый расцвет науки, школ, университетов, научных учреждений, библиотек, клубов, театров и кино, посещаемых как нигде в мире, — все это говорит не только о благосостоянии советских народов, но и о поднятии культуры масс, о создании новой, невиданной социалистической культуры.

Какая радость жить в социалистическом обществе! Как вы счастливы, друзья!

Я разговаривал со многими и многими людьми, я присутствовал на многих собраниях и везде видел искреннюю, глубокую любовь к социалистической родине, к оплоту мира — Красной армии, верному стражу молодого социалистического общества от империалистических хищников, любовь к своему правительству, к партии Ленина, к вождям. Пламенная любовь к гениальному вождю народов, великому Сталину, превосходит всякое представление.

Путь СССР в истории — это путь энтузиазма, порожденного социализмом.

Пока бешеному фашизму не удастся сломать мое перо и зажать мне рот, я буду возглашать славу стране социализма и призывать к ее защите от империалистической напасти.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СВОБОДНОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО!

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПОЛЬСКИМ ПИСАТЕЛЯМ

Один из крупнейших еврейских писателей Америки, романы которого переведены почти на все европейские языки, И. Опатошу, опубликовал недавно в американских и европейских газетах открытое письмо польским писателям. В письме Опатошу останавливается на трагическом положении еврейских масс в Польше.

«Три с половиной миллиона, — пишет Опатошу, — евреев подвергаются теперь таким гонениям, таким зверским истязаниям, каких поляки не знали даже во времена русского царизма и немецких Бисмарков. Прав Прушинский, горестно заявляющий в «Вядомосци литерацке»: «В течение ста пятидесяти лет нашего рабства мы, поляки, научились мучить наши национальные меньшинства».

Да, национальные меньшинства подвергаются в Польше тяжким мучениям!

В 1934 г. я посетил мою родину, Млаву. Вот уже несколько лет, как всей еврейской молодежи этого города не за что взяться. И не только в этом городке. Неуверенность, боязнь завтрашнего дня, выражение муки в глазах родителей — все это гонит из дому, на улицы. Стаей голодных волков носится еврейская молодежь по пыльным улицам Млавы. По вечерам она собирается в городском саду. И когда дебаты начинают после полуночи исчерпываться, разговоры надоедают, силы иссякают и нечем их больше поддерживать, все пускаются к центру сада, где висит электрическая лампа. Кто-то извлекает из кармана грошевую монету, швыряет ее в воздух, и начинается игра в «орлянку». Люди забывают, что у них дипломы адвокатов, инженеров, врачей и педагогов. И счастливец, выигрывающий этот грош, горделиво направляется в лавчонку у городского сада и стаканом содовой воды успокаивает разгоряченную кровь!..

В те дни, когда Роман Дмовский оплевывал восстание 1863 года, я, еврейский писатель, проживавший в Нью-Йорке, писал роман «В польских лесах», воспевал это восстание в романе «1863-й год»...

«Народные демократы» убивают еврейских старцев, еврейских женщин, еврейских детей. Они бомбами взрывают школы, выбрасывают евреев на ходу из вагонов, грабят еврейскую бедноту.

Вина за погромы падает и на польских художников, на польскую интеллигенцию. Почему они молчат? Почему молчит Каден-Бандровский? Он-то ведь знает отлично, что если бы эндеки стали у власти в Польше, восторжествовала бы расистская теория Гитлера! Тогда был бы разоблачен страшный «грех» Бандровского, мать которого была еврейкой. Да и не только о Бандровском была бы речь. В Варшаве сбросили бы с пьедестала и памятник Мицкевичу, ибо припомнят ему его слова: «Я — наполовину еврей и наполовину поляк и горжусь этим».

Не молчит один только польский пролетариат. Польские рабочие приняли активное участие в забастовках протеста против еврейских погромов. Это единственный светлый проблеск в современной польской действительности. И совместно с ними, польскими рабочими, должны мы противостать волне антисемитизма, волне диких погромов и обратиться к человечеству с призывом:

— Долой бесправие народов! Да здравствует свободное человечество!»

АНТИФАШИСТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Е. КНИПОВИЧ

«Клянусь, что все изложенное в этой книге, — правда». Этими словами «не коммунист» и «ариец» В. Лангофф кончает вступление к своей антифашистской книге «Болотные солдаты».

Слова эти не случайны. Тысячи взволнованных голосов подтверждают правильность обвинений, пред'явленных фашизму, тысячи людей, так или иначе связанных с европейской демократией, несут свои свидетельские показания в стан пролетариев, чьи пути никогда не были их путями.

Люди, которые, как Вольфганг Гете, «предпочитали порядок справедливости», вспомнили об этой справедливости, когда рухнул «порядок» буржуазной демократии. Речь уже шла не о нарушении основ демократии, речь шла об их разрушении. 3 марта 1933 г. Геринг официально заявил о том, что задачей новой власти является «не вершить справедливость, а уничтожать и искоренять». Последние барьеры упали, и поборники «порядка» оказались беззащитной добычей «живых сил народа» (так назвал штурмовиков Геринг), «кулак» которых министр внутренних дел пообещал «опустить на затылок преступников».

Произвол, насилие, бесправие, ворвались в обжитые и спокойные до тех пор дома.

«Смена одной формы классового господства буржуазии, буржуазной демократии, другой его формой — открытой террористической диктатурой» сделала то, что социально-политические проблемы стали **личным делом**, делом жизни для огромного количества людей, до того рассматривавших эти проблемы отвлеченно и теоретически.

Проблема действия, вставшая перед всеми противниками фашизма, была такой конкретной и такой неотложной, что многие из них узнали о своем выборе, о том, что они стали новыми людьми, только тогда, когда увидели себя с поднятым оружием в рядах борцов антифашистского фронта.

И даже те представители зарубежной интеллигенции, для кого приход в ряды борцов против фашизма был естественной и закономерной ступенью идейного и жизненного пути, даже и они почерпнули в прямом действии и в прямой ненависти силы, которые привели их к творческому расцвету. Именно антифашистская книга раскрыла нам до конца облик Ромэн Роллана. Именно антифашистские книги показали нам всю мощь дарования Лиона Фейхтвангера. Антифашистская книга ввела в круг писателей с мировым именем Андрэ Мальро. Антифашистская книга стала лучшей книгой Вилли Бределя.

Более того, прямая ненависть и воля к борьбе заставили заговорить полным голосом тех, кто до этого не имел ни своего отчетливого лица, ни своей кровной темы. Ненависть к фашизму подняла в ряды подлинной литературы такого писателя, как Бальдер Ольден, обратила вчерашнего сентиментального пацифиста в автора блестящего и беспощадного памфлета «История одного нации».

Каждая антифашистская книга является итогом предельной мобилизации ее автора, каждый находит здесь свою тему, пред'являет свой счет, поднимает на борьбу с фашизмом все лучшее, что есть в его идейно-творческом арсенале. Эта внутренняя мобилизация, эта самопроверка идет у писателей-антифашистов по многим путям. Каждая из книг не только ставит вопрос о том, «что я ненавижу», но и вопрос о том, «что я люблю», «что я должен в себе преодолеть, чтобы ненависть моя стала плодотворной». И почти во всех случаях наиболее живым, острым и волнующим является ответ на вопрос о ненависти.

Как видит врага писатель-антифашист? С наибольшей художественной конкретностью на этот вопрос, пожалуй, отвечают книги Лиона Фейхтвангера. Величайшей заслугой Фейхтвангера является то, что лицо германского фашизма он разглядел уже в ту пору, когда национал-социалистическая партия с ее штурмовыми отрядами была еще резервом буржуазии. Синтетический образ фашизма, данный в «Успехе», создан до прихода фашизма к власти.

В этом романе выступает целая вереница деятелей фашизма — вождей и представителей массы, обманщиков и обманутых. Их лица, их действия, причины, приведшие их в ряды фашизма, Фейхтвангер рисует с видимой об'ективностью. Но эта об'ективность похожа на равнодушный об'ективизм не больше, чем раскаленное добела железо на комок снега.

Отравитель собак и убийца людей, еврей-антисемит, шантажист и организатор штурмовых отрядов Эрик Борнгаак, тупой и страшный Калибан — брат «фюрера» Алоиз Кутнер изображены с предельным художественным бесстрашием и холодной яростью. За самим «фюрером» — Рупертом Кутнером Лион Фейхтвангер буквально идет по пятам, не прощая ему ни одной улыбки, ни одного движения.

Богатые фактами книги по истории фашизма, написанные Эрнстом Оттвальдом и Гейденом, дают интереснейший материал для понимания того, как Лион Фейхтвангер создавал портрет фюрера.

Комбинирование деталей, сопоставление и перестановка реальных фактов проведены им с той предельной целеустремленностью, которая свидетельствует о высоком качестве ненависти писателя к фашизму.

Кто прочел «Успех», тот уже не сможет отделить представления о «вожде» фашизма от образа Руперта Кутнера. И в его воображении «фюреру» всегда будет сопутствовать и актер Штольцнит, который лишь Кутнера ходить, как «маркиз Поза», и улыбаться, «как Гамлет», и такса министра Флаухера, которая испугалась, когда «фюрер» упал на колени перед ее хозяином, и пробка от шампанского, которая оказалась в столе сбежавшего «вождя» вместо плана восстания.

Памфлетность изображения деятелей фашизма в книгах Фейхтвангера не снимает глубокого реализма созданных им образов. Фашисты Фейхтвангера отнюдь не схематичны и не плакатны. Он не снижает и не обезличивает врага. Враг хитер, жесток, по-своему мужественен. Чтобы победить его, надо мобилизовать все силы, и победа эта будет большой, серьезной победой. О таких принципах изображения врага свидетельствуют не только образы фашистов в «Успехе», но и замечательный образ фашиста-учителя в «Семье Оппенгейм». Фогельзанг не лжец, не карьерист. «Пусть бы хоть парень был карьеристом, — с отчаянием думает о нем директор школы, старый гуманист Франсуа. — Ужаснее всего, что он искренен, что он верит в тот вздор, который болтает. Чувствуя собственную незначительность, он заковал себя в броню грошевого национализма, сквозь которую не проникает ни один луч здравого смысла». И Фейхтвангер сумел показать, насколько опасен и беспощаден этот убежденный и злобный враг.

Очень глубоко и интересно то изображение фашистов, которое дано в романе Бределя «Испытание». Глаз пролетарского революционера увидел в лагере фашизма то, о чем только догадывались другие художники. Бредель с полной отчетливостью показывает неоднородность состава фашистских организаций, неустойчивость социальной базы фашизма. И тюремный лекарь Бретшнейдер, и штурмовик-тюремщик Ридель отражают колебания обманутых — низовой прослойки фашистских организаций. Фашизм, в изображении Бределя, уже таит в себе предчувствие отхода мелкобуржуазных масс и будущих жестоких междуусобий.

Если Бальдеру Ольдену не удалось подняться до подлинного художественного и идейного обобщения тему внутренней неустойчивости фашизма, тему разочарования и морального краха его идейных представителей, то несмотря на это он дал блестящее памфлетное изображение самой «кухни» фашистской агитации и ее руководителя (в романе он назван Шнирвиндтом). «Потемневший низкорослый ариец» «доктор Шнирвиндт» поистине может соперничать с самыми жуткими и омерзительными фигурами западной литературы.

Этот глава пропаганды, идейный руководитель национал-социализма, воплощает в себе весь безудержный цинизм, всю хитрость, всю жестокость, весь авантюристический размах вдохновляемого им движения.

К чести Бальдера Ольдена надо сказать, что он не умалил врага, — доктор Шнирвиндт — политический негодяй крупного масштаба. Он даже позволяет себе роскошь давать в своем кругу совершенно точную оценку и «великому фюреру» и возглавляемому им движению. Но горе тому, кто попробует разделить с ним эту привилегию. «Как он смел, дурак, высказывать свои мнения? Это только я могу себе позволить».

В целом ряде значительнейших антифашистских книг мы не найдем отчетливых и развернутых образов врага. И в «Годах презрения» Мальро и в последней части «Очарованной души» Ромэн Роллана, отчасти и в «Семье Оппенгейм» Фейхтвангера лагерь фашизма дается как фон, как единая враждебная сила реакции. Центральная проблема этих книг иная. Их тема — **формирование борца антифашистского фронта.** Путем тяжелых испытаний, закаляющих волю, герои этих книг приходят к преодолению того индивидуалистического одиночества, которое характеризует жизнь лучших людей старого мира. Тема мужественного преодоления одиночества звучит в этих книгах поразному. В «Семье Оппенгейм» и в «Родах» это преодоление становится одновременно расплатой за одиночество. И эта тема расплаты роднит эмоциональную патетику Ромэн Роллана со скептицизмом Лиона Фейхтвангера.

В «Семье Оппенгейм» и в «Родах» демократы и гуманисты Европы порывают со своим одиночеством, со своей изолированностью от широкого массового движения ценою жизни своего молодого поколения, своей надежды, своих сыновей.

Марк Ривьер и Бертольд Оппенгейм — искупительные жертвы за индивидуалистические «грехи» отцов.

И Густав Оппенгейм, и Франсуа — духовные отцы Бертольда — могли указать мальчику только на те ценности культуры прошлого, во имя которых примириться с фашизмом нельзя. Так же поступили с Марком Ривьером его руководители — Жюльен Дюмон, Бруно Кьяренца, его мать Аннет Ривьер. Гуманисты Европы толкнули своих сыновей на путь борьбы, но борьба для них была тождественна с жертвой, и детей своих они двинули в бой невооруженными.

Поэтому все молодые герои «Родов» отождествляют победу над эгоизмом и одиночеством со смертью за дело революции. «Иного выбора нет, как между двумя смертями, — думает Марк Ривьер. — Или умереть порабощенными и опозоренными, или умереть свободными и отомщенными. Умереть, чтобы дать жить свободными тем, кто придет завтра». О смерти в бою мечтает сын Марка, маленький Ваня. Навстречу добровольной смерти идет спасенный Марком из рук фашистов Сильвио. «О, жалная к жизни молодежь, это твой долг — отказаться от своей жизни, лишить себя надежд, радостей, горестей, своего будущего, принести их на алтарь как искупительную жертву» — пишет Сильвио в своем завещании.

Бертольд Оппенгейм также бросает вызов врагу своей смертью. Другого пути, другой победы эти молодые гуманисты не знают.

Сцена убийства Марка Ривьера итальянскими чернорубашечниками и сцена самоубийства Бертольда Оппенгейма принадлежат к самым высоким, действенным и волнующим страницам современной европейской литературы. Но глубокая любовь и сочувствие к этим мужественным юношам, убитым фашистским террором, не закрывают от читателя того, что мужество их было направлено по ложному пути. Революции нужна не смерть, а жизнь Марка и Бертольда. Подлинный боец дерется не только за будущее, но и за настоящее. Революционное мужество сочетает в себе готовность к смерти не только с волей к борьбе и победе, но и с волей к жизни. Человек, который борется за судьбу рабочего класса, тем самым борется и за свою судьбу, потому что она неотделима от судьбы класса. Жертвенность Марка, Сильвио, Бертольда все-таки является наследием старого индивидуализма. Во имя служения революции они отделяют свой путь, свою судьбу от общего пути людей революции. Товарищества, чувства коллектива для работы, борьбы, для жизни в прекрасных книгах Ромэн Роллана и Лиона Фейхтвангера нет.

Об этих чувствах лучше всего рассказывает книга Мальро «Годы презрения» — книга подлинного революционного мужества. На первый взгляд такое утверждение звучит парадоксально. В книге Мальро только один герой — немецкий коммунист Кассонер, брошенный фашистами в одиночку. И вместе с тем книга Мальро есть книга о коллективной победе человека революции.

Кассонер преодолевает истязания, ужас одиночества, призрак смерти, призрак безумия, которое грозит ему, потому что он борется с ними во имя жизни, общей жизни — своей и своего класса. «Китайские товарищи, заживо погребенные, русские друзья с выколотыми глазами, немецкие друзья — вокруг меня, ты — рядом, тебя сейчас избили; то, что между нами, я называю любовью. Я знаю, сколько нужно сил, чтобы сделать что-нибудь стоящее. Я знаю — только победа сможет оправдать эти страдания. Но, по крайней мере, если мы победим, каждый из нас наконец-то найдет свою жизнь».

В этой мужественной борьбе за жизнь тема одиночества кончается, и она кончится и для всех борцов антифашистского фронта, потому что жизнь мудрее самых мудрых художников, и тысячи живых Марков и Бертольдов уже знают о том, что «от одного конца света до другого» тысячи товарищей по борьбе «бодрствуют над их одиночеством».

Рисунок Я. Берка. «Дорогой обед».

Битва при безымянном пальце

Л. КАССИЛЬ

На зимние каникулы у меня собрались дома приехавшие с Волги пионеры. Мы разговаривали о школьных историях, ребята повествовали о своих уличных похождениях, о лагерных приключениях и домашних происшествиях.

— Это что,—сказал вожатый,—вот пускай Коля Панистовский про тот свой случай расскажет.

— А ну вас, сто раз уже пересказал, — засмущался тихий, нежноглазый паренек. — Неохота мне. И потом я тут сам что... вот папа, т. е. отец, он это действительно по-настоящему...

— Верно, у него отец мировой,— заговорили ребята,—он красный партизан, у него даже орден, не трудовой, а настоящего боевого знамени. А теперь он доктор у нас в селе. Лечит классно. Его все знают. Веселый, смелый. Ну, Колька, расскажи... Брось ты, в самом деле.

— Да чего тут рассказывать еще... Иди ты... Вот пристал. Ну, ладно... Это так вышло, в общем. Мы с папой при участковой амбулатории живем втроем. Еще братишка есть— Юзька. Ну, он тогда был совсем клоп. Пятый год ему пошел, и старуха работница приходящая. А мама не с нами живет. Она... Ну ее, в общем. Папа вот у нас—правда, эх человек! У него даже почетный наган есть с гражданской войны. Только кажется строгий спервоначала, а потом как начнет с нами возиться!.. Всегда дурит. Даже не разберешь иногда—это он в самом деле или понарошку. Он всякие игры знает. И ну, прямо из всего игрушку выдумать может. «Коля, говорит, прикрой дверь поплотнее, а то из-под нее паосаты дуют, а у Юзика в носу и так сталактиты и сталагмиты выросли». Мы на столе у нас из бумаги солдат делаем и красноармейцев. Такие бои устраиваем—держись только.

А потом он наденет на пальцы разные колпачки, а на ногтях глаза, нос и рот нарисует, и целый театр нам устраивает. У него это ловко получается, красота прямо! Монахи там всякие. Клоуны, генералы, Наполеоны ходят, здороваются, дерутся, как живые. Собственноручный театр это он называет. Вот раз в позапрошлом-прошлом году, в общем три года обратно, наш фельдшер Маврикий Петрович отпросился у папы из амбулатории на тот берег, в город. Ему все красноармейский парад хотелось посмотреть. Ну, папа на праздник один остался. В амбулатории все равно в тот день приема не было. Папа нам обещал новый спектакль на руках исполнить из военной жизни. Только что он стал колпачок надевать на безымянный палец, вдруг кто-то постучал. Потом влетает человек, такой весь вз'ерашенный, и просит папу поехать с ним в колхоз тут один в районе. Там у них у одной женщины ребенок должен был быть, но она не захотела, чтобы он был, в общем ей там какая-то старуха такое натворила... «Спасите, говорит, помирает!» Отец говорит: «Тут хирург должен, я же не хирург, надо в город, в больницу везти». А в больницу, оказывается, везти нельзя. Волга вскрылась, лед идет, на тот берег—нечего и думать. И наш Маврикий Петрович значит тоже там застрял. Такое вышло стечение подробностей. Но отец взял чемоданчик свой с инструментами, собрался раз-раз живо (он быстрый ужасно, как все доктора!..), поцеловался с нами и говорит: «Спектакль откладывается на завтра. Билеты действительны».

Вернулся он уже ночью совсем. Я проснулся, слышу—он ходит чего-то, не ложится. Потом гляжу —подходит к лампе. Лицо слишком серьезное, бледный весь, видно устал. Подошел к лампе, посмотрел на свет руку, потом опять походил, опять подошел и пальцами всякие штуки делает, шевелит. И карандашом чего-то на руке чертит. Тут и Юзька, чертенок, проснулся. Сел, говорит: «Папа, ты чего это там тени показываешь?»—«Репетирую»,—отец отвечает. Тут и я спросил: «А как та женщина, больная?»—«Случай отвратительный,—говорит,— запустили, чорт знает... Но как-будто я успел во-время... А ты, говорит, в общем спи, морда ты полуночная. Ну, живо у меня спать». И потушил лампу.

А утром я проснулся рано, а он уже сидит в одной рубашке, желтый какой-то, у окна. Засучил рукав и чего-то на руке карандашом отчеркивает. Я как подкрадусь сзади... А он рассердился: «Ты чего за кулисы подглядываешь! Марш отсюда». И не смотрит на меня. А потом лег на диван, голова, говорит, заболела, за обедом ничего не ел, а после обеда подозвал меня к окну и показывает руку. А она вся химическим карандашом исчеркана. И жилы тоже синие, прямо как реки на географической карте. «Ну вот, говорит он ,сегодня у нас будет собственноручный театр военных действий. Дислокация такова: вот тут, видишь, полоса красная, и тут и тут. Это наступает противник. Наши вот тут у кисти первый заслон сделали. Но враг прорвался. Вот я отметил карандашом. Теперь продвигаются к локтю. Вот тут противник предполагает далекий рейд сделать. Ну, а у локтя наш барьер. Вот если и тут его не удержат, тогда дело скверное. Может быть, правда, у плеча подмышкой... Юзик, сбегай на кухню к Малаше, чтобы со стола собирала». Юзик ушел, а я говорю: «Папа, я это, считаю, просто безобразие с твоей стороны. Ты это Юзьке вкручивать можешь. А я не маленький. Что ты со мной игрушки строишь. Глупо это, вот и все. Что у тебя с рукой вышло...». Ну тогда отец уж рассказал. Он в общем оказывается щеткой уколол руку вчера перед операцией, а резиновые перчатки он оставил дома и откладывать уже нельзя было. И наверно гной попал, что ли... Только палец безымянный стал черным, опух, и началось заражение в крови. Уже к локтю полосы стали подбираться. А в город, в больницу сейчас никак не попадешь. Юзьке отец ничего не велел говорить. И у нас получилось вроде военной тайны. Мы отметили карандашом, где кончается полоса, но краснота лезла все дальше. Мы через каждый час смотрели. «Помощи ждать неоткуда»,—говорит отец, барьер сдал, противник форсировал локоть. Надо принимать бой». А Юзька, вот шляпа, ничего не понимает. «Вот у нас папа какой молодец,— говорит,—болен, а все войну нам представляет». А к ночи папе совсем плохо сделалось. Он лежал, лежал, вдруг вскочил: «Обходят, обходят!»— кричит. Юзька проснулся, а отец уже пришел в себя, сидит на кровати и говорит: «Ты спи, спи, это я репетирую». А потом мне: «Ну-ка, Николай... Вставай-ка на ночную разведку». Я посмотрел, а у него вся рука до плеча горит. И мне стало до того страшно. Ведь видно прямо, как по руке опасность ползет, аж меня всего холод пробрал. Я чуть реву не дал: чего-то вспомнилось, как он нам этой рукой театр представлял. И какой-то мне папина эта рука сделалась такой... что... прямо вот... ну, ясно в общем... «Да,—папа говорит,— подвел безымянный. Ну, ждать нечего. Приказываю готовиться к боевой операции. Палец—изменник. Жалеть его нечего. Штаб находит необходимым уничтожить две предавших фаланги... Командование принимаю на себя, тебя назначаю помощником. Не боишься?»—«Что значит боишься. —говорю я.—Только брось ты меня разыгрывать».—«Ничего, так легче,— говорит отец. А в общем ничего страшного, — отчикнем, и все». И мы пошли в амбулаторию — папин кабинет. А Юзька, шляпа, сзади кричит из кровати: «Ой, вы куда? Примите и меня тоже в вашу войну...» Большой парень, пятый год, а ничего не понял.

— «Ну, сначала произведем артиллерийскую подготовку,—говорит отец, достал шприцы.—Так. Адреналин здесь, говорит, новокаин. Вот, чорт, не с руки. А ну, держи как следует. Чего это у тебя зубы стучат? А, понимаю. Это у тебя вроде пулемета. Так, так, стучи. Ну-с, теперь, Коля, возьми вот это... Если боишься, отвернись. В случае, сознание потеряю, вот это впрыснешь. Есть?» И он все время так говорил командирским голосом. Так я и не знаю—нето это он нарочно, чтобы мне в общем легче было, нето, правда, в бреду. Жар у него был под сорок. Но я тоже, чтобы настроение поддерживать, хоть самого меня и трусит всего, тоже говорю по-военному: «Есть впрыснуть, папа...». И правда, от этого в общем как-то легче получалось. Будто мы на войне с ним рядом. Потом он вдруг закричал: «Санитары, санитары, бинты давай...». Я ему помог перевязать. Но тут он вдруг сделался совсем белый, холодный, потный весь, стал валиться. Я зажмурился и впрыснул ему в руку, как он велел. А потом помог ему под руку дойти обратно до постели. Ну и все.

А к вечеру и фельдшер приехал. «Ох, Георгий Осипович, говорит, вот красота парад был!»—Это он еще в передней начал, а как вошел, так и стал! «Чего это вы?»—«У нас тут тоже парад,—не парад, а битва целая была,—папа говорит,—бой при безымянном пальце. Ну, Колька молодец, все-таки. Сдрейфил, правда, порядком, но все-таки не осрамил свое поколение. Это, по крайней мере, сын, я понимаю». «Да, а он сам даже не пикнул, — я говорю, — вот это, я понимаю, еще отец».

Правда, папа у меня замечательный малый. Просто я не знаю, дочего я его это... А рассказывать тут чего же. Пристанут вот...

НОВЕЛЛЫ, РОЖДЕННЫЕ ЖИЗНЬЮ

По инициативе А. М. Горького журнал «Наши достижения» ввел постоянный отдел, носящий подзаголовок «Обыкновенный репортаж». Само название говорит о том, что материал отдела складывается исключительно из фактов и документов, не тронутых литературным вымыслом. Это начинание нашло отклик во всех районах СССР. Материалы идут из Ульяновска и Перми, из Ташкента и с Онеги, из Абхазии и о Камчатки. Это маленькие новеллы, созданные самой жизнью. Лаконические и выразительные, они говорят зачастую в двадцати-тридцати строках больше, чем иные литературные произведения с громоздким листажем.

Их присылают трактористы, инженеры, рабочие, красноармейцы, доярки, лейтенанты, школьники, врачи, летчики, председатели сельсоветов. Все они — скромные летописцы будней Советской страны и новых взаимоотношений ее граждан. Так складывается поразительная мозаика новелл, рожденных без участия литературы.

Вот несколько таких новелл.

Сыновья колхозника Епифанова

В селе Порог, на Онеге, среди вековых лесов живет старый колхозник Епифанов. Редким гостям он рад, но рассказывать о прошлом не любит. По его словам, вспоминать нечего — одна неприятность. Гостю он показал газетную вырезку, в которой приводятся страшные цифры детской смертности в царские времена в Онежском районе. В этих селах, заброшенных в дремучих лесах и вымиравших от социальных болезней и нищеты, из десяти детей чуть ли не семерых сносили на погост. Эту вырезку старик Епифанов бережно хранит в шкатулке вместе с письмами, полученными от сыновей.

От старшего сына пришло письмо из Японии, из Токио. Старший сын работает в полпредстве.

От среднего сына пришло письмо из Москвы. Он — инженер-электрик, работает старшим мастером в депо Метрополитена и считается лучшим стахановцем.

От младшего сына пришло письмо с Маточкина Шара. Младший сын — начальник радиостанции.

Старик Епифанов по складам перечитывает письма сыновей и, подмигивая, говорит заезжему технику:

— Ладные ребята. Эти, пожалуй, и при царе не пропали бы, выбились бы. До старшего пастуха дослужились бы, пожалуй; как думаешь?

Веселые «чэки»

Они назвали себя «веселыми чэками». «Чэк» — это сокращенное «член экспедиции».

Десять ребят и девочек — отличников из школ Московской области, ЦЧО, Азово-Черноморского края и Западной Сибири, участников школьных кружков мичуринских внучат, отправились летом, под руководством ботаника, в экспедицию на Алтай, в Ойротию и Хакассию. Они прошли свыше 800 километров по алтайской тайге верхом, пешком и в лодках. Экспедиция увенчалась успехом. Они нашли 27 сортов дикорастущей смородины. Нашли лук, выносящий морозы до 45 градусов, пригодный для полярных колхозов. Нашли алтайскую крапиву, которая дает выносливое и ценное волокно.

Это было незадолго до смерти Мичурина. После экспедиции двое «веселых чэков» отправились к нему в Мичуринск. Они везли в дорожных баулах подарки великому селекционеру — корни и посадочный материал своих находок.

Мичурин был взволнован и растроган. Перед ним стояли мальчик и девочка, в синих рубашках с красными галстуками, в широких дорожных бриджах, загоревшие и здоровые. «Дедушка Мичурин» принял их дары. Затем спросил:

— А не страшно было, дети, в тайге? Ведь 800 километров, не шутка.

Мальчик молчал. Девочка, покраснев, ответила:

— Страшно было, дедушка Мичурин. Вот, едешь по тайге, едешь, да подумаешь: а вдруг ничего не найдем? Вот позор-то будет. Страшно было...

Из стенгазеты

Выдержки из дорожной стенгазеты вагона № 296 скорого поезда Сочи—Москва:

«...Мы, проводницы вагона № 296, обязуемся на всем пути до Москвы обслуживать на «отлично» наш вагон, в котором едет писатель-орденоносец Николай Алексеевич Островский, поддерживать в вагоне непрерывно температуру, предписанную врачом, устранять все могущие произойти беспокойства. Мы обе читали роман Николая Алексеевича «Как закалялась сталь» и гордимся тем, что везем такого человека...

Лиза Фелящина.
Поля Артемьева».

«...К отправлению поезда на вокзал Сочи явился машинист-орденоносец Кривонос, отдыхающий в Сочи, и инструктировал машиниста нашего поезда, как вести состав, чтобы на всем пути до Москвы не было толчков при отправлении и прибытии на станции.

Свидетельствуем: на всем пути от Сочи до Москвы ни одного, даже самого легкого толчка не было...

Пассажиры вагона № 296
(Подписи)»

Из рассказов гида

Мистер Н. из Чикаго, владелец нескольких крупных предприятий, путешествовал по СССР. Он проехал Украину и Грузию, затем остановился в Армении. Здесь ему был представлен в качестве проводника молодой инженер. Вместе с ним мистер Н. посетил электростанции в ущельях, самое высокое в мире озеро Севан, коньячный завод, колхозные сады, племенные животноводства. Молодой инженер прекрасно владел английским языком и давал исчерпывающие пояснения. Но мистера Н. мучило одно давнее желание. Ему хотелось увидеть курдов. Он читал когда-то об этом племени кочевников, наездников, первобытных воинов в романтических плащах из козьих и барсовых шкур. Он несколько раз сказал молодому инженеру о своем желании, но тот пропускал это мимо ушей. Наконец, мистер Н. настойчиво повторил о своем желании. В его голосе прозвучало даже некоторое раздражение. Но и в голосе молодого инжера звучало раздражение, когда он ответил:

— Курды, курды. Стоило ехать так далеко, чтобы увидеть курдов. Если уж вам так хочется этого, то вот, смотрите. Я — курд, родился в шатре кочевника, носил козью шкуру. Революция послала меня в школу, затем в институт. Владею английским языком и очень ценю ваших специалистов. Кроме того, я чемпион по футболу и дважды награжден за строительство электростанций. Устраивает вас это?

— Устраивает, — коротко ответил мистер Н.

Предусмотрительность

В селе Кесс, Каменотиманской тундры, ненецкий пионер Миша Аницын собственноручно изготовил и вывесил плакат. На плакате значилось большими буквами:

«Берегись автомобиля».

Его спросили:

— Зачем ты это сделал? Ведь в тундре нет автомобилей.

Он ответил:

— Их нет, но большевики сделают так, что они будут. Пусть народ привыкает...

Анкета Кати Медниковой

Имя, фамилия: Медникова Катя.

Возраст: на пять дней моложе Октябрьской революции.

Образование: кончила семилетку.

Занятие в данный момент: учусь на слесаря в фабзавуче завода «Калибр».

Любимое развлечение или спорт: Самостоятельное вождение самолета... С 25 июня 1935 года пилотирую машину «У2» заводского аэроклуба.

Заказ

Письмо с заказом в Центральный московский универмаг:

«Прошу я вас прислать мне гармонь лучшего качества и лучших мастеров, восьмипланочную, венского или русского строя, высокого тона, вишнево-коричневого корпуса, со стальными голосами, с металлическими накладками, из никеля, на замше, с медными планками. Таковая гармонь, хотя бы стоила 500 рублей — ничего не значит, высылайте. Гармонь, как я описал, прошу отправить по почте.

К сему колхозник **Иван Нищета».**

Сбоку приписка:

«Как подписал свою фамилию, так подумал: пора, пора мне царскую фамилию на советскую менять. Или оставить? Вроде как воспоминание — Иван Нищета».

Встреча в тундре

Нарты, запряженные вереницей собак; встретились в тундре с нартами, запряженными такими же собаками. Каюры-погонщики обменялись приветствиями:

— Будь здоров!

— И ты также!

— Что ты везешь?

—Меха в факторию. А ты?

— Пушкина, Тургенева и Горького.

Каюр говорил правду. Он вез в стойбище вымущенные ленинградским Гослитиздатом на языках севера «Сказку о рыбаке и рыбке» и «Сказку о попе и работнике его Балде» Пушкина, «Муму» — Тургенева и «9 января» — Горького.

Книги завозятся на поездах, самолетах, оленях и собаках в самые дальние поселения и стойбища Сахалина, Чукотки, Камчатки, Уэллена.

Нарты разминулись. Одни поехали в факторию, другие отправились вглубь тундры.

Каюр сидел сбоку, бережно придерживая груз, и пел:

Я сегодня у огня сяду,
Я сегодня буду иметь беседу,
Я сегодня буду иметь беседу
С мудрыми и достойными людьми—
С Пушкиным, Тургеневым и Горьким.

Освоение Северного пути

Киевские школьники провели массовую игру, увлекшую весь город — детей и взрослых. На одной из аллей парка потерпел крушение фанерный «Челюскин». Киевские школы организовали помощь погибающему кораблю. Школьные кружки радистов выслали людей и дежурили у аппаратов. Авиомодельные кружки выслали на льдину в парковой аллее самолеты. Географические кружки определяли местоположение гибнущего корабля. Это была самая увлекательная игра, и несколько дней ею занимались самозабвенно. После игры Дворец пионеров организовал «Клуб юных друзей Арктики». Там закипела работа по изучению Севера. Делегация от киевского «Клуба Арктики» приехала в Москву. Два школьника в матросских костюмах и бескозырках посетили Главное управление Северного морского пути. Они беседовали с «настоящими» челюскинцами — Баевским, Бобровым, руководителями политуправления ГУСМП. Кто-то из челюскинцев спросил их шутя:

— Ну, вот, вы спасли своего «Челюскина». А чем же теперь будете заниматься?

Один из школьников ответил обиженно:

— Как это — чем заниматься? А освоение Великого северного пути? Это пустяки что ли?

На маневрах

На маневрах Красной армии. Кавалерийская часть идет в атаку. На дороге — телега, у которой сломалась ось. Правившая телегой колхозница стоит с растерянным видом: ей самой не под силу поправить телегу. Кавалеристы вихрем проносятся мимо нее.

После атаки. Два кавалериста подходят к командиру:

— Разрешите отлучиться, товарищ лейтенант.

— Вам отдыхать надо, а не отлучаться. Куда это?

— А туда, на дорогу, женщине помочь.

Разрешение получено. И оба поскакали за несколько километров помочь незнакомой колхознице исправить ось.

Бор. ОЛЕНИН

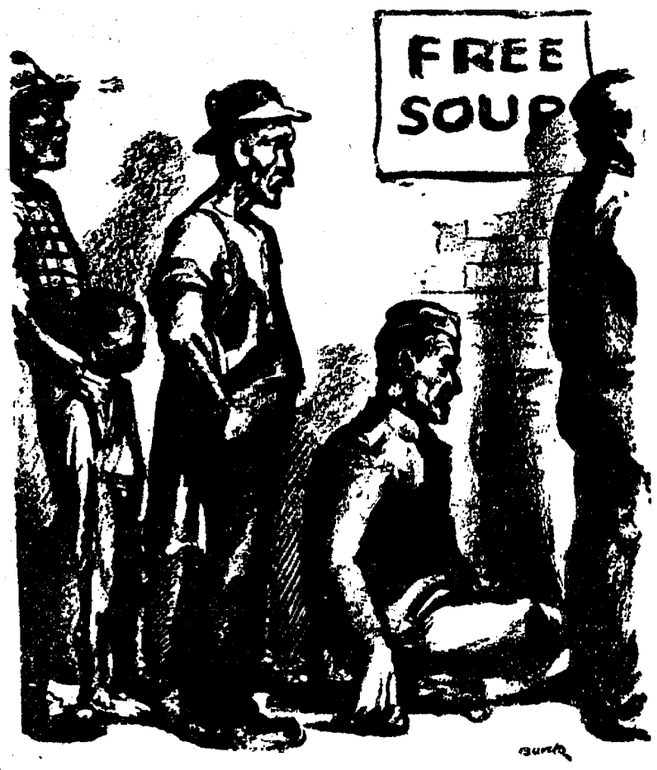


Рисунок Я. Берка. «Даровой обед»

СВЯТЫЕ НЕПОТРЕБНИКИ

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

Г-н Розенберг молится древним германским богам, пропахшим хмелем и свиной кровью, богам скребниц и топоров. Генералы рейхсвера предпочитают обыкновенного лютеранского бога, хотя он и обрезан, но это приличный бог в старом мундире. Младояпонцы молятся богам своих предков, и, обозлившись, что им не удалось вспороть животы нам, вспарывают животы себе. Старый японец Савва Данилович Араки в православном соборе миром молится о плавающих и путешествующих, которые направляются в Монголию. Что касается святого отца, то он, разумеется, молится римско-католическому богу. Все они молятся об уничтожении безбожной Москвы, и только рассеянностью богов можно об'яснить, что Москва еще существует и что советские граждане говорят о каком-то овцеводстве, вместо того чтобы посыпать голову пеплом и порвать одеяния, зря изготовленные Москвошвеем.

Из всех богов самый просвещенный — римско-католический. Он должен брезговать богами г-на Розенберга: он не торчит на конюшне и не дерется на кулачках. Это старая солидная фирма, никаких эффектных чудес, испытанный добротный товар: туфля папы, пещера Лурда, индульгенции и мудрость отцов иезуитов.

Наместник римско-католического бога на грешной земле, непогрешимый папа, сказал своим кардиналам: «Нэдо, ребята, палеть!..» Святой культпроп об'явил конкурс на написание лучшего антибольшевистского романа. Для рассмотрения рукописей была составлена писательская бригада. В нее вошли автор полицейски-христианских романов Честертон и автор христиански-светских романов Бордо. К ним приставили баронессу Гандель Мацетти, виконта Анри Давиньона, а также свежеиспеченного иезуита отца Маклакова. «Отец» он по чину, по семейному положению он — сын царского министра. Жизнерадостная бригада рассмотрела 119 произведений, написанных на различных языках. Одна рукопись была написана на португальском языке, ее наверно читал «Pére Маклаков» при содействии святого духа.

Русские эмигранты всполошились. Конечно, это — идеалисты, они твердо знают, что сознание определяет бытие, но жить идеалистам все-таки надо. Святые отцы обещали не только спасение на том свете, но и денежные премии, уплачиваемые в юдоли слез, в твердой валюте: 50 тысяч франков, 20 тысяч, 10 тысяч. Двадцать пять эмигрантских «ударников» бодро взялись за работу.

Летом прошлого года жюри установило, что первой пришла Аля Рахманова; она написала роман «Фабрика новых людей». Вторым пришел сотрудник «Возрождения» Иван Лукаш, автор романа «Дом пыток». Третьим прибежал некто Таманин.

Иван Лукаш ходил гордый по Парижу. Он принимал поздравления и набирал авансы в редакции. Только отец Маклаков косо посматривал на лауреата. Отец Маклаков знал истину: «tchelovek predpologaet, a bog raspologaet». Одно дело — Честертон или даже баронесса Гандель Мацетти, другое — римско-католический бог и его полпреды на земле. Решение жюри было пересмотрено. Первое место попрежнему осталось за непогрешимой Алей Рахмановой, но Ивана Лукаша выбил австрийский незуит Эрик фон Кюнельт-Леддин, а Таманина, который уже слюнявил пальцы, чтобы пересчитать десять тысячных кредиток, перекрыл бравый генерал Краснов.

Святые отцы об'явили, что опусы Лукаша и Таманина не «соответствуют христианской морали». Таманин понял, что дело это пропащее и предался посту, который равно приличествует христианину как римско-католической, так и автокефальной и православной церкви. Иван Лукаш не мог успокоиться. Как, его, главного мальчика христианского бога «Возрождения», бога сэра Генри Детердинга, генерала Блюмберга и Саввы Даниловича Араки обвиняют в каком-то уклоне?..

Кардинал Альфред Бардильер, выслушав стенания Ивана Лукаша, подумал: хорошо, что этот автокефальный молодчик не требует двадцати тысяч. На деньги, бог, как известно, скуп, зато он щедр на индульгенции. Кардинал взял в руку самопишущее перо и написал Ивану Лукашу аттестат: его роман вполне христианский, но не вполне римско-католический. Иван Лукаш ушел с длинным удостоверением и с пустым бумажником. Надо надеяться, что когда конкурс об'явит Савва Данилович, Иван Лукаш прибежит первым.

Кардинал Альфред Бардильер недавно поздравил счастливую Алю Рахманову. Он назвал ее «известной, почти знаменитой русской писательницей». Слово «почти» надо приписать кардинальской скромности — кто же из русских читателей не знает Алю? Правда, эта Аля, будучи русской писательницей, почему-то пишет по-немецки. Наверно русский язык после революции опротивел ей. К тому же по-немецки пишет свои романы почти знаменитый Геббельс.

Дабы кардиналы поверили в глубоко русскую сущность г-жи Рахмановой, она назвала себя Алей. Кто знает, как ее зовут — Александрой или Алисой, но Аля — это звучит по-русски. Все исполнительницы русских романсов в парижских или берлинских кабаках зовут себя не иначе, как Шурами, Надями или Наташами. Надо думать, даже отнюдь не игривая публицистка г-жа Кускова, скоро станет подписываться: Катя Кускова.

Апостол Павел, подумав, написал: «Не уклоняйся, муж, от жены, чтобы не искушал тебя сатана»! Святые отцы, увы, обречены на безбрачье, и сатана их вдоволь искушает.

На рукопись романа добродетельной Али пролито немало римско-католической слюны. Ведь Аля — женщина прыткая: на первых восьми страницах романа у нее уже происходят два изнасилования. Председатель губисполкома «Tovarich Владимиров» насилует свою секретаршу Таню, а «банда красногвардейцев» насилует нежную Нюрку. Действие происходит в эпоху первой пятилетки. Красногвардейцы встречаются с нэпманами и с колхозниками. Дело, впрочем, не в исторической точности. Аля подробно рассказывает, как выглядят девушки после изнасилования: приятный беспорядок в одежде — она хорошо знает, что перед такими картинами не устоит ни одно кардинальское сердце.

Таня живет в трущобе у портье Поля Ивановича. Жена Поля Ивановича, Аграфена Алексеевна, сдает на прокат термометр за 20 копеек. Соседка Тани продает пирожки из кошачьего мяса.

Все начинается с того, что красногвардейцы, те, что насилуют Нюрку, убивают камнями рыб. Этот редкостный спорт выводит из себя Таню. Она кричит: «Остановитесь, солдаты революции! зачем вы убиваете маленьких рыбок?» Красногвардейцы бесстыдно хохочут. Таня идет в губисполком. Там очень шумно, так как в подвалах сидят праведники и громко стенают. Пользуясь этим шумом, «Tovarich Владимиров» быстро насилует Таню. Аля Рахманова восторженно пишет: «Сила Тани таяла под его взглядом».

Вторую героиню романа зовут Тамарой. До революции она жила в замке и питалась исключительно мясом на вертеле, а также зеленью, чтобы сохранить тонкость линий. За ней ухаживал Виталий Владимирович, который в романе именуется просто Владимировичем. Но Тамара полюбила бедного студента Федю. Она сказала ему, что отец даст ей 300 тысяч рублей (это не 50 тысяч франков!) и что она ест очень мало: какой-нибудь кусочек мяса на вертеле. Феля оказался «полубольшевиком, полутолстовцем». Как большевик, он сморкается пальцами; как толстовец, он говорит после свадьбы Тамаре: «Необходимо половое воздержание», будто он не бедный Феля, а кардинал Альфред Бардильер.

Владимиров устроил «Фабрику новых людей»: это колония ГПУ. Живется ему плохо: домработница Паша отказывается штопать носки, ссылаясь на общественную нагрузку. У Владимирова бездна дел. Он должен например перечитать «Савву» Леонида Андреева, так как это—«азбука коммунизма». Потом он должен отправить в подвал губисполкома коммуниста Петренко, который назвал свою дочку не Бастилией, а Марией, явно намекая на происхождение Иисуса Христа. Он изнасиловал Таню случайно. Потом он вошел во вкус и захотел жениться на Тане. Таня — буржуазного происхождения, она верит в бога и не хочет стать супругой Владимирова. Она также отказывает профессору Верхоланцеву, который до неудачного предложения называется Дмитрием Васильевичем, а после — сокращенно Васильевичем.

Терзаемый любовными муками, Владимиров идет в гадалке Насте. Там он находит икону Симеона-праведника. Владимирова зовут Сеней, и столь таинственное совпадение заставляет его призадуматься над таинством триединого божества.

На «Фабрике новых людей» работает доктор Краснов. Он призывает девушек и молодых людей к воздержанию. Некто «Политрук», который женат в сельмой раз, возмущен контрреволюционными происками доктора. Доктора раздевают догола и кидают в подвал, где вода по пояс. Доктор болен чахоткой, и, разумеется, у него начинает течь кровь горлом. Он сознается в своем преступлении и здесь же на месте умирает.

Сын портье Поля Ивановича, Иван Полевич, перекрыл даже политрука: он женился 23 раза. Он познал негу различных жен. У Виталия Полевича имеется сын Авангард Витальевич, но на его «октябризацию» Виталия Павловича почему-то не позвали. Дальше Аля Рахманова начинает звать Виталия Полевича Борисом Павловичем (за всем не управишься!). Борис Павлович женится в 24 раз на богатой актрисе, исполнительнице модной роли «Аиды». Актриса обожает сына портье, хотя и говорит, что он «балайка (?) без струн». Она идет к гадалке Насте за советом. Но мерзавцы, соблазненные бриллиантами, убивают актрису. Появляется некто Андрей Иванович из рода Рюриковичей, но его мигом хватают.

Владимиров заболевает воспалением легких. Тогда изнасилованная им Таня решает выйти за него замуж: она хочет спасти грешную душу «председателя губисполкома»...

Красавица Тамара сходит с ума. За ней ухаживал Виталий Васильевич. Он влюбляется в большевичку Нинель. Эта Нинель разоряет любовника. Виталий Васильевич бросает свою жену Аню. Нинель сходится с кем попало, и Виталий Васильевич немало страдает от этого. Еще хуже приходится Ане. Она решает уехать в колхоз к родителям. Но мать ей пишет, что в колхозе жить нельзя. Во-первых, ей не управиться со своими детьми, которых грациозно зовут Маникой и Ваникой. Во-вторых, любимого коня Серку большевики переименовали. После этого жизнь стала окончательно неприемлемой. Что же делать бедной Ане? Как накормить трех ребят? Подумав, она решает заняться проституцией. Затем, она заболевает сифилисом и начинает беспрерывно молиться богу.

Изнасилованная красногвардейцами Нюрка встречается с женщиной, которая торгует пирожками из кошачьего мяса. Женщина открывает Нюрке путь к богу. Она даже обещает сделать из Нюрки ангела. Нюрка идет на крестные муки. Толпа кричит: «Четвертуйте ее», но она, уверовав нето в римско-католического, нето в автокефального бога, стойко идет на эшафот.

Таня конечно уже «прислушивается к биению крохотного существа в ее животе».

У Тани рождается ребенок. Она зовет его «Мой дорогой серый кролик»! Это глубоко озадачивает «председателя губисполкома». (Очевидно Аля Рахманова не знает о кампании за развитие кролиководства). Владимиров спрашивает себя: почему кролик? Он раскрывает учебник марксизма-психологии, но не находит ответа на роковой вопрос.

Таня встречает мужа радостным криком: «Сеня». Но Владимиров не так-то просто становится честным католиком. Он говорит жене, что он сошелся с «чекисткой Мироновой»: «Я не буржуа и я ничего от тебя не скрываю». Тогда Таня подсовывает мужу биографию Симеона-праведника. Владимиров узнает, что этот святой был богат, а потом роздал свое добро сиротам и вдовам. Подобное сообщение опрокидывает все его научные теории. Он спрашивает себя: может ли буржуа быть честным человеком? Книга рассеивает его сомнения: в ней с похвальной точностью указано, что Симеон-праведник скончался 12 сентября 1642 г.

Несмотря на столь возвышенные размышления, Владимиров еще ведет себя, как закоренелый революционер. Он требует, чтобы жена приготовила постель, так как к нему должна притти тов. Миронова. Жена кротко стелит постель, оставляет Владимирова с Мироновой, и наконец-то Владимиров прозревает. Он видит свет римско-католической церкви. Надо ли говорить о том, что злой «Политрук», который женится в восьмой раз, его немедленно арестовывает?

По моим исчислениям, мудрая Аля Рахманова получила от святых отцов за каждое описание непотребного действа по 1 200 франков. Принимая во внимание кризис и скупость римско-католического бога, это неплохо.

Все же как не пожалеть римско-католического бога! Против Советского союза ему приходится мобилизовать не только серафимов и херувимов, но вот и такую Алечку. Сначала они хотели ее взять анафемами, потом перешли на философские трактаты, теперь они решили прибегнуть к сальным анекдотам. Прочитав роман Рахмановой, католики потеряли последнюю надежду, капитулировали и отправились в ближайший публичный дом — таковые имеются во всех римско-католических странах. Наивные сыновние аббаты позавидуют сыну портье Виталию Полевичу: хотя бы раз жениться, не то что двадцать четыре раза!.. А Москва? Москва будет продолжать существовать.

(Полный текст романа см. на стр. 11)

Рис. А. Радакова.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАРНАВАЛ

Слева направо — В. Иванов, А. Новиков-Прибой, А. Жаров, К. Чуковский, А. Фадеев, Л. Леонов, Ю. Олеша, М. Зощенко, В. Инбер, А. Безыменский, А. Толстой, С. Кирсанов

МЫ ЖИВЕМ В СТОЛИЦЕ

А. СЕЛИВАНОВСКИЙ

Тридцать четыре года тому назад, в «Что делать?» Ленин писал о всемирном значении русской литературы. Русская литература, как и вообще литература народов СССР, не приобрела бы этого значения, не будь великих «предшественников русской социал-демократии», не будь большевизма. Наша литература — как зеркало нашей революции, как один из ее идеологических инструментов — **стала** всемирной литературой. Литературная география мира изменилась. Мы живем в Москве, мировой литературной столице.

Новая обстановка и вытекающие из нее новые задачи и критерии поняты еще далеко не всеми писателями. Следы этого непонимания были явственно видны во время последней литературной дискуссии. Если советская литература есть мозг и сердце мировой литературы, то это значит, во-первых, что о советской литературе можно думать и говорить только **с учетом всего зарубежного литературного опыта.** Ромэн Роллан, Андрэ Жид и Лион Фейхтвангер нам столь же дороги, как Маяковский, Багрицкий или Леонов. Судьба Хемингуэя или А. Монтерлана нас так же волнует, как и судьба Олеши или Пастернака. В Иоганнесе Бехере (который, кстати, именно за последние годы написал превосходные стихи в совершенно новой для него манере) или в Вилли Бределе мы узнаем таких же близких товарищей и друзей, как в Фадееве или Фурманове.

Это значит, во-вторых, что советская литература выступает как прямая наследница всех богатств **мировой классической литературы.** На с'езде ВЛКСМ т. Косарев говорил о вредной пролеткультовской теории, согласно которой пролетарская литература является наследницей прежде всего несовершенной поэзии ранних рабочих поэтов, а **не** главных богатств классической литературы. 15 мая 1885 года Энгельс писал Г. Шлютеру: «Вообще говоря, поэзия прошлых революций, за исключением «Марсельезы», редко производит революционное впечатление в позднейшие времена, так как, для того, чтобы воздействовать на массы, она должна отражать и предрасудки своего времени. Отсюда — религиозная чепуха даже у чартистов». Разумеется, Энгельс имел в виду не Гейне, не Гервега, не Фрейлиграта, не Беранже и не Потье, — а массовидную, анонимную, фольклорную поэзию революционного движения. Но действительный смысл слов Энгельса гораздо глубже, чем думают до сих пор некоторые работники литературы.

Не так давно — в серии «Библиотека поэта» — вышла очень интересная книга: «Пролетарские поэты, том I, 1895—1910». Замысел книги верен: тем, часто колебавшимся и революционно-расплывчатым поэтам, которые обычно считаются наиболее передовыми и которых многие историки литературы, по плохой традиции, называли родоначальниками пролетарской поэзии, — т. е. Ф. Шкулеву, Егору Нечаеву и другим, — противопоставлена большевистская поэзия, кровно связанная с большевистским подпольем и большевистской прессой. С подлинно пролетарской, т. е. с большевистской поэзией 90-х годов XIX века и начала XX века связаны прежде всего имена Радина, Н. Лещинского, Г. Кржижановского, М. Горького, А. Богданова, и — чуть позже — А. Луначарского. Однако, на основной принципиальный вопрос — **о линии наследования** — книга не отвечает. Стихи Лещинского и Кржижановского, разумеется, не отражали «предрассудков масс» — то были большевистские стихи. Но ни в предисловии А. Горелова, ни во вступительной статье А. Дымшица, которая излагает своими словами упомянутое выше письмо Энгельса, нет и попытки применить взгляды Маркса и Энгельса на искусство к данному **частному** отрезку литературной истории: как будто теория и историческая практика враждуют между собой!

А. Дымшиц, например, думает, что письмо Энгельса к Шлютеру имеет лишь самое косвенное отношение к русской пролетарской поэзии. Между тем, стоит лишь вспомнить про обращение Маркса и Энгельса к вершинам философской мысли, с одной стороны, и с другой — к незрелым, обманно-отражающим «предрассудки масс» теориям утопического и мелкобуржуазного социализма, возникшим в их время, хотя бы и в рабочей среде, — чтобы понять действительный смысл письма к Шлютеру. Дь. Бедный и Радин, как представители правых течений, и Шкулев и Нечаев, как представители линии «левой», — исторически были первыми пролетарскими поэтами. Но по их пути пролетарской, социалистической литературе начинает свою историческую родословную, а от искусства вообще, от искусства Пушкина, от Шекспира, Гете, Гейне, Бальзака, от Пушкина, от Толстого, от искусства всех тех веков и почти всех его современников, находящихся на подъеме и борьбе — к этому — полностью было чуждо — перешагнуть через все это и вошла в эпоху классической культуры.

[illegible] — [illegible] мирно [illegible] с солнцем. Все [illegible] писатели в наиболее [illegible] [illegible] к [illegible] по [illegible] [illegible] Маркс, [illegible] [illegible] [illegible] советов. [illegible] [illegible] [illegible] культуры [illegible] [illegible] [illegible] — [illegible] [illegible] [illegible] — [illegible] [illegible] [illegible] —

НУРИ-ДЖАН

Колхозная колыбельная песня

В мир явился ты весной,
Светлолицый Нури-Джан,
Сердце ты открыл мое,
Радость глаза, Нури-Джан.

После зимней темноты
Снова птицы и цветы.
Мой цветок любимый ты,
Соловей мой, Нури-Джан.

Твой отец с зарей встает,
Он в колхозе третий год.
Оценил его народ,
Он ударник, Нури-Джан.

Революции рукой
Свергнут старый байский строй.
Льются быстрою струей
Наши воды, Нури-Джан.

Темен был у бая глаз,
Скучен был муллы рассказ, —
Новым буквам учат нас
Наши школы, Нури-Джан.

Пробежит за годом год,
Много книг Нури прочтет.
И пойдет за ним народ, —
Умным будет Нури-Джан.

Перевод и обработка
Г. И. КАРПОВА и Н. ЛЕБЕДЕВА.

Записано от Байрамова в Геок-Тепе (Сборник «Туркмения», выходящий в «Советском писателе»).

СБОРНИК ЛУЧШИХ РАССКАЗОВ

ИТОГИ КОНКУРСА ГОСЛИТИЗДАТА.

Закончился конкурс Гослитиздата на лучший рассказ. 617 рукописей, со всех концов страны, прислали на конкурс начинающие авторы—рабочие, колхозники, инженеры, учащиеся средних школ и вузов, служащие и красноармейцы. Подавляющее большинство авторов — молодежь в возрасте от 14 до 25 лет.

О чем пишут, что отражают в своих рассказах молодые советские авторы?

Нет, кажется, такой темы, которая так или иначе не была бы ими затронута. Много рассказов о Красной армии, ее быте и учебе, о строительстве и культурном росте окраин Советского союза и национальных республик. Но особенно много рассказов о новом отношении к человеку, о детях, о семье, о любви и ревности, об изживании чувства собственности т. е., о том, что мало или почти совсем не затрагивалось в произведениях, писавшихся на предыдущие конкурсы.

Нельзя упрекнуть участников конкурса в невнимательности, ненаблюдательности, в неумении видеть жизнь страны. В большинстве своем взятые ими жизненные факты — новы, интересны, неожиданны.

«Читаешь рассказ и поневоле завидуешь зоркости автора. Удивляешься, как это ты сам не заметил то, о чем пишет литкружковец»—говорит один из членов жюри.

Не все рассказы стилистически хорошо написаны. Но и в слабых рассказах видна ясность мысли, глубина замысла. Чувствуется, что недостаток знания, небольшая культура помешали автору создать хороший, запоминающийся рассказ.

Жюри конкурса очень строго подходило к отбору произведений. Из 617 рукописей оно отобрало для напечатания в сборнике, выпускаемом Гослитиздатом под редакцией Вс. Иванова, **17 рассказов.** Девять участников конкурса премированы.

Несмотря на хорошее в общем качество отдельных рассказов, жюри конкурса все же нашло, что ни один из них не может быть удостоен первой премии.

Четыре вторых премии получили: Ратушный — за рассказ «Над Волгой», А. Левченко — «Подушки», Т. Ойзерман — «У синего озера» и Г. Леберехт — «Маляр».

Пять третьих премий присуждены: военнослужащему Е. Колесникову—за рассказ «Комполка», А. Алину—«Бессилие смерти» и «Васька Листопад» Егорову — «Бычья страсть» и «Счастье», И. Рогозинской—«Последний герой» и Клейменову—«Разговор о судьбе».

6 рассказов жюри рекомендовало к печати: «Ракета»—преподавателя Альберт, «Люся»—преподавателя Бабаевского, «Мальчик и Василь»—Бокова, а также рассказы: рабочего фотофабрики № 2 Ф. Кипершлака, Каурычева и журналистки Н. Кальма.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КНИГООБМЕН СССР

С каждым годом укрепляется и ширится работа Всесоюзного общества культурной связи с заграницей. В 1935 г. ВОКС послал своим заграничным корреспондентам **9183** книги, **572** статьи, **12.616** журналов, **26.610** газет. Наибольшее количество материалов выслано в Англию, Чехословакию и Америку.

Значительным разделом деятельности ВОКС является организованный им еще в 1924 году международный книгообмен, дающий возможность советским научным учреждениям и организациям получать иностранные материалы по различным отраслям знания. ВОКС получил уже из-за границы **1.256.968** экземпляров книг и журналов. Советские организации отправили за границу **723.146** экземпляров.

Книгообмен установлен с **74** странами, **3828** иностранных корреспондентов обмениваются научными и другими изданиями с советскими учреждениями. В числе иностранных корреспондентов: **96** академий, **1402** научно-исследовательских учреждения, **693** научных общества, **383** университета, **289** правительственных учреждений и библиотек, **136** музеев, **737** редакций научных журналов.

В истекшем году ВОКС отправил за границу, в порядке книгообмена, около **64 тысяч** книг и получил свыше **137 тысяч книг.** В международный книгообмен включилось **299** новых иностранных и **95** советских учреждений.

Особенно ценные издания ВОКС получил в 1935 году из Франции. Это серия книг по истории литературы в 90 томах («Ревю де литератюр комparэ»), 75 томов изданий славянского института в Париже и 17 томов истории искусств.

Библиотека Конгресса в Вашингтоне еще в 1935 году прислала ВОКС библиографическую картотеку, состоящую из **3 миллионов карточек** и переданную Публичной библиотеке им. Ленина. 30 тысяч новых карточек получено в 1935 году.

Среди 1530 приезжавших в СССР в 1935 году иностранцев было 126 писателей и журналистов.

Результатом их посещения СССР явилось издание за границей в 1935 г. нескольких значительных книг, посвященных советской литературе и искусству.

Профессор Гарвардского университета Эрнест Симмонс пишет специальную книгу к пушкинскому юбилею. Две книги—Ч. Норрис Хоутона и Гарри Дана—выходят в США о советском театре. При содействии Общества культурной связи с СССР в Чехословакии выпущена серия брошюр в 16 названий по различным отраслям культуры СССР, в том числе брошюра Пишека «Советская литература». ВОКС поддерживает связи с многочисленными зарубежными обществами культурного сближения с СССР—в Англии, Франции, Чехословакии, Норвегии, Швеции, Дании, Швейцарии, Литве, Бельгии, Болгарии. Этими обществами были организованы в 1935 году десятки докладов о советской культуре.

В десяти странах мира в 1935 г. было устроено **24** выставки советской культуры и искусства, в том числе и выставки советских изданий и книжной графики.

ПРАГА—МОСКВА

БЕСЕДА С ХУДОЖНИКОМ А. ГОФМЕЙСТЕРОМ.

Группа чехословацких художников, входящих в пражский союз современных художников «Манес», во главе с профессором пражской Академии прикладного искусства, т. Печирка и чехословацким писателем и карикатуристом Адольфом Гофмейстером приехала в Москву для ознакомления с советским искусством.

— Мы приехали в Москву, — сказал нашему сотруднику Адольф Гофмейстер, — в горячие дни: столица СССР готовится к 1 мая. Оживление, царящее на улицах, красные флаги, плакаты и щиты, праздничные витрины говорят о том, что международный праздник труда в Советском союзе встречается радостно и торжественно. Мы впервые увидим день 1 мая в Москве, но мы заранее предвкушаем, что он будет грандиозен. У нас 1 мая также считается государственным праздником. У нас также в этот день появляются в городе красные флаги, на улицах бывают манифестации. Но разве это может сравниться с тем, что мы знаем о первомайских днях в Москве. Парад на Красной площади, карнавал демонстрантов, бесконечные ленты людей, двигающихся по улицам, — все это обещает быть очень торжественным и ни в какой мере не схожим со скромным празднованием 1 мая за границей.

Вам, вероятно, известно, что интерес к Советскому союзу в Чехословакии очень большой и что он возрастает с каждым годом. В частности, интерес, который в свое время наши читатели проявляли к французской литературе, они перенесли теперь на советскую. Ваши писатели у нас хорошо известны. На чешском языке вышло два издания «Тихого Дона» М. Шолохова, роман А. Авдеенко «Я люблю», «День второй» и «Не переводя дыхания» И. Эренбурга, «Чапаев» Дм. Фурманова, «Человек меняет кожу» Бр. Ясенского. На-днях должна появиться книга С. Третьякова «Ден-Ши-Хуа». Избранные стихи Б. Пастернака переведены чешским поэтом И. Гора. «Охранная грамота» вышла в переводе Р. Якобсона.

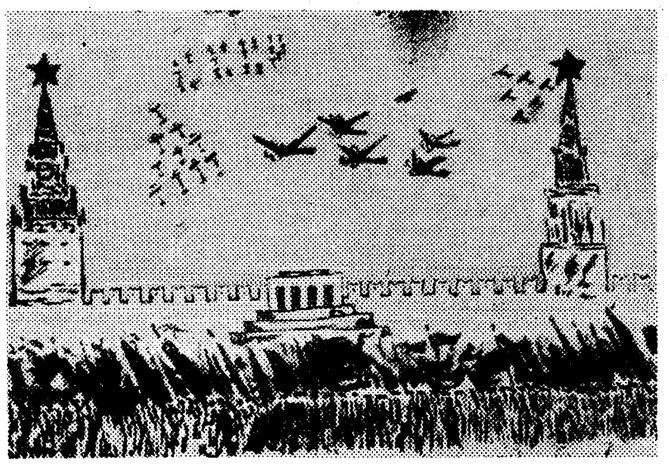
Чешские театры, помимо «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского и «Платона Кречета» А. Корнейчука, показывают инсценировку шолоховской «Поднятой целины».

Пробовали у нас переводить Маяковского, интерес к которому очень велик, но переводы эти пока мало удачны.

По предложению ВОКС, в этом году в Москве будет открыта большая выставка, на которой покажут свои работы лучшие современные чешские, словацкие и немецкие художники, входящие в союз «Манес». В свою очередь выставку советских художников предполагается устроить в Праге в 1937 г.

ВЫСТАВКА ЭДГАРА ШАИНА В ЭРИВАНИ

Госмузей в Эривани организовал выставку работ известного парижского офортиста, армянина Эдгара Шаина. На ней представлено 186 офортов, воспроизводящих жизнь Парижа. Эдгар Шаин—реалист. Его реализм—это живое, одухотворенное претворение наблюденного в художественные образы. В этом сила искусства Шаина. Выставка его офортов в Эривани—дань признания большому мастеру и другу советской Армении.



Выставка в Центральном доме художественного воспитания детей. «1 мая». Рисунок Н. Некпюдова, 12 лет, ученик 6 кл.

Фото Л. БАТЬ (СОЮЗФОТО).

Поселок Ирмино готовится к встрече первого мая.
НА СНИМКЕ: отличники учебы средней школы шахты Центральная Ирмино—ученица 8 кл. Лида Кирота (справа) и ученица 7 кл. Тоня Мазелева в выходной день за работой по благоустройству клубного парка.

Творчество народа

Москва. Площадь Маяковского. Театр народного творчества. Ежедневно по этому адресу прибывают груды телеграмм и писем.

Иногда письма, полученные театром, трогательно наивны, иногда восторженно лиричны, иногда по-деловому серьезны, но всегда они говорят о колоссальной тяге народа к искусству, о творческой энергии, ищущей точки приложения.

Колхозники, вузовцы, рабочие, краснофлотцы, учителя, служащие — все они либо в индивидуальном, либо в коллективном порядке обращаются с просьбой о помощи, о совете, делятся впечатлениями о виденных в театре народного творчества программах, а то и впечатлениями от рассказов об этом театре, дают указания, вносят поправки, делают предложения.

Все кровно заинтересованы в успехе и процветании Московского театра народного творчества как руководящего центра будущих таких же театров. Творческая энергия масс ищет выхода. Вот почему идеей создания театров народного творчества охвачены почти все области СССР.

Горком союза строителей тяжелой промышленности на Сталиногорском химкомбинате и ГРЭС им. Сталина обращается от имени 14 тысяч рабочих с просьбой о помощи: почти стихийно возникают драматические, музыкальные и хоровые кружки на химкомбинате и на ГРЭС, но руководить этим движением некому. Как быть?

«Просим театр народного творчества принять шефство!»

Пограничники в Великих Луках созывают первую окружную олимпиаду самодеятельного искусства, в Куйбышеве и Сталинске приступают к организации театров народного творчества. Как во всех этих случаях обойтись без совета? По телеграфу летят просьбы: срочно прислать представителей, срочно выслать положение о театре народного творчества, план, смету и т. д., и т. п.

Но не только у нас,—и за пределами СССР есть люди, возлагающие все свои надежды на Театр народного творчества в Москве.

Группа служащих и рабочих из Гренобля (Франция) предлагает свои услуги без гонорара, только за оплату проезда. Ведь, главное, — пишут они,—увидеть Страну советов. По наведенным справкам, вся эта группа получила музыкальное образование, и ее выступления имеют большой успех у массового зрителя.

Театр народного творчества очень молод. Он еще не вышел из той стадии организационной работы, которая должна надолго определить его репертуарные судьбы.

И все же это не служит ему предлогом для того, чтобы отделаться общими словами от многочисленных своих корреспондентов. Театр отвечает на все письма. Он организует режиссерские бригады для посылки на места, дает консультации, делится уже тем опытом, который успел накопить.

Так крепнут связи нового театра, рожденного революцией, с жизнью, со страной, с зрителем; так ширятся ряды его многонационального, разноязыкового актива, радость которого плещет через край, песни которого дышат свободой, гордым сознанием собственного достоинства, ибо это актив, беспрерывно идущий на недр народа.

Я. ЭЙДЕЛЬМАН

Фольклор Армении

Недавно в цахурские села Азербайджана приезжала лингвистическая экспедиция Всесоюзной Академии наук, во главе с проф. Генько. Подготовлен к изданию сборник собранных цахурских текстов: исторических сказаний, песен, сказок и других образцов творчества этой маленькой народности Закавказья. Цахурские тексты представляют большой интерес: они дают точное представление о цахурском языке и помогут создать литературный язык цахурцев.

Институтом языка и литературы азербайджанского филиала Академии наук подготовлены к выпуску сборники образцов народного творчества национальных меньшинств республики — татов, лезгин, талышей, армян. Собрано несколько тысяч легенд, песен, сказаний, пословиц, поговорок, загадок.

В сборники войдут неизвестные до сих пор варианты таких образцов народного эпоса, как «Кероглы» и «Рустам-Зал» — на татском и лезгинском языках, несколько новых легенд о Шамиле, много образцов современного революционного эпоса и сложенных в народе песен о Ленине, Сталине, Ворошилове, Кирове.

В поисках подарка

У КНИЖНЫХ ПРИЛАВКОВ.

Предпраздничные дни в Москве...

Тысячи покупателей обивают пороги книжных магазинов в поисках хорошо изданных книг.

В первом образцовом магазине Мосгиза, например, НКПС заказал для шестидесяти орденоносцев-транспортников библиотечки из десяти книг художественной литературы: «Сталин» Анри Барбюса, «Тихий Дон» М. Шолохова, «Фома Гордеев» М. Горького, «Цусима» А. Новикова-Прибой, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Были горы высокой» и др.

Особенно велик спрос на однотомники сочинений Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Чехова, Маяковского, на «Войну и мир» Л. Толстого, «Жан Кристоф» Ромэн Роллана, произведения Горького. Полученные первым образцовым магазином пятьсот экземпляров каждого названия разошлись очень быстро.

Когиз и Мосгиз не учли, что в предпраздничные дни тысячи людей захотят приобрести хорошую книгу.

Задолго до праздника школьники заключали с родителями договоры о том, что за хорошие и отличные отметки они получат ту или иную книгу. И вот теперь в поисках «Гулливера» Свифта, «Дон-Кихота», сказок бр. Гримм, Андерсена, последнего издания народных русских сказок Детиздата, книг Пушкина, Жюль-Верна — рыщут по книжным лавкам и млад и стар.

У книжных прилавков много представителей школ и клубов: им для раздачи ребятам на утренниках нужны сказки Чуковского, стихи Маршака, Барто, Пушкина, Лермонтов, Сервантес, Андерсен, братья Гримм.

Из большого оборота первого образцового книжного магазина, лимитированного, правда, недостаточным поступлением тиражей, видно, что очень незначительная часть книг (5—6 процентов) приобретается коллективами: библиотекой, красным уголком, парткабинетом. Все остальные книги попадают к индивидуальному покупателю.

В надежде найти старую или мгновенно разошедшуюся книгу массовый читатель все чаще и чаще обращается в букинистические магазины.

Его не смущают ни яти, ни твердые знаки. Конечно, он предпочел бы детиздатовского Андерсена, но довольствуется старым, чуть потрепанным изданием в выцветшем переплете.

Покупательная способность в этом году, по сравнению с прошлыми годами, необычайно возросла. Тем более странно, что книжные организации не учли запросов знатных людей, стахановцев колхозов и заводов. Они думали, очевидно, что общее предпраздничное оживление в торговле их не коснется.

Нужных, любимых нашим читателем книг к празднику первого мая, в большинстве случаев, не оказалось на полках книжных магазинов.

Н. МИХАЙЛОВ.

МОСКОВСКИЕ ПИСАТЕЛИ В ПЕРВОМАЙСКИЕ ДНИ

Колонна московских писателей двинется сегодня в 10 часов дня от Дома СНП СССР к Красной площади, чтобы слиться с первомайской демонстрацией.

Сто пятьдесят писателей выступят на торжественных вечерах в клубах и на предприятиях Москвы, а также перед микрофонами радиопередвижек, установленных в различных районах столицы.

В пять часов дня столица будет слушать большой радиоконцерт, в котором примут участие артисты и писатели Москвы.

Вечером — песни народов СССР, литературные выступления, посвященные Маяковскому и Пушкину.

НОВЫЕ ФИЛЬМЫ К 1 МАЯ

Сегодня в здании гостиницы «Метрополь» открывается новый кинотеатр, где будет демонстрироваться новый фильм «Однажды летом» — по сценарию И. Ильфа и Е. Петрова, с участием Игоря Ильинского — режиссера фильма и исполнителя двух ролей.

Сегодня же на различных экранах Москвы появятся и другие новые фильмы: «Родина зовет» — по сценарию В. Катаева, «Замечательный год» — документальный фильм Союзкинохроники. Союзтехфильм выпускает детские диапозитивные фильмы: «Возьмем винтовки новые» — на текст Маяковского, «Парад Красной Армии» — текст Л. Кассиля, «Марш» — текст С. Маршака и др.

ВЫСТАВКА И. РЕПИНА

Третьяковская галлерея открывает 7 мая выставку, посвященную творчеству И. Репина. Это будет одна из крупнейших художественных выставок текущего года: она займет восемь больших зал, где будет выставлено около **900** картин и рисунков художника.

Часть экспонатов никогда не появлялась на московских выставках Репина. Некоторые картины вообще ни на каких выставках не экспонировались.

К открытию выставки будет выпущен специальный альбом репродукций Репина, которым будет предпослана большая статья о его жизни и творчестве.

Третьяковская галлерея организует на крупнейших московских предприятиях доклады и лекции, которые должны подготовить массовую аудиторию к выставке Репина.

НА РОДИНЕ ЧЕХОВА

На родине Чехова, в Таганроге, в прошлом году был организован литературный музей. В музее хранится личная библиотека Чехова, еще при жизни подаренная им городу. В ней до тысячи книг с автографами Л. Толстого, М. Горького, Д. Григоровича, Н. Лескова, Я. Полонского и многих других. Собрана богатая коллекция редких фотографий, биографических документов, писем-автографов Чехова.

Музей располагает многими документами о взаимоотношениях Чехова с Л. Толстым, М. Горьким, В. Короленко.

Есть специальный отдел — мастерская Чехова. Здесь много снимков с рукописей и записных книжек писателя. Этим отделом особенно интересуются слушатели городского кабинета рабочего-автора.

В связи с подготовкой к столетнему юбилею со дня смерти А. С. Пушкина литературный музей организует выставку, посвященную творчеству великого поэта.

Н. ТАГАНСКИЙ.

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61 и 4-34-80.
ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

ГОС. ИЗДАТЕЛЬСТВО
Художественная Литература

РАЗОСЛАН ПОДПИСЧИКАМ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ № 4 (АПРЕЛЬСКИЙ) ЕЖЕМЕСЯЧНОГО ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА.

30 дней

Михаил Пришвин — Шоферские рассказы. **Вор. Пильняк** — Мертвые лозы. **Артем Веселый**—Степь да степь кругом. **С. Мстиславский** — Грачи полетели. **А. Зорич** — Победитель. **Павел Безруких** — Пленник «Пенатов». **Марджори Дуглас** — На воде. **Эрнест Хемингуей** — Достопримечательности Уайтхед-Стрит. **Владимир Маяковский** — Рабкор. **Н. Плиско** — Маяковский и народность. **В. Тренин** — Маяковский на Западе. **Владимир Маяковский** — Любовь Шкафолюбова.

30 дней

В. Кирпотин — За литературу победившего народа. **Сергей Ромов** — Выставка художника Сергея Герасимова. **А. Гран** — Нюренбергский рай.

На обложке портрет В. В. Маяковского работы художника Г. Балашова.

ГОС. ИЗДАТЕЛЬСТВО
Художественная Литература

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ И НА-ДНЯХ БУДЕТ РАЗОСЛАНА ПОДПИСЧИКАМ ЧЕТВЕРТАЯ (апрельская) КНИЖКА ЖУРНАЛА

КРАСНАЯ НОВЬ

Содержание:

А. Твардовский — Страна Муравия (поэма). **Ольга Форш**—Пугачевкина повесть. **З. Шишова** — Хутор Дружбы (рассказ). **Теодор Ойзерман** — У синего озера (рассказ). **В. Правдухин** — Яик уходит в море (роман, окончание) **В. Звягинцева** — На тему «Пушкин и декабристы» (стихи). **С. Михалков** — Два стихотворения. **Ф. Дрожжин** — «Колесуха» (из прошлого). **Г. Красинский** — Арктический перелет 1935 г. **Н. Изгоев** — Жажда **Н. Корнев** — По Европе: Англия (путевые очерки) **Ал. Дымшиц**—Маяковский и народное творчество. **Виктор Шкловский** — О стиле и мироощущении.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДНЕВНИК

В. Ермилов — За народность искусства.

СВИСТОК!

Т. И. — В чем спасение? **Alex** — Генеральская дочь. Эпиграммы: Ю. Олеша, А. Сурков, М. Пустынин.

ГОС. ИЗДАТЕЛЬСТВО
Художественная Литература

Содержание номера:

Ник. Атаров — Конец Самсона Балоева. **А. Воронцов** — Школа каменщиков. **Ф. Пудалов** — Отпуск Галагуры. **А. Калиниченко** — Мастер больших дел. **А. Письменный** — Отцы и дети. **А. Письменный** — Обида. **Вадим Кожевников** — Кипяток. **Г. Куклин** — Старшина крана. **В. Аверьянов** — Разговор об искусстве. **А. Крылова** — О назначении ученого. **Вальтер Дюранти** — Я пишу, как мне нравится. **Евгений Юнга** — Кара-Иртыс.

НАША РОДИНА: Павел Лукницкий — На южном Памире. ДЕНЬ ЗА ДНЕМ Критика: О. Брик — Очерк стихом. Борис Бегак — Пейзаж в очерке. Г. Мунблит — О торопливом разрушении литературных канонов. Бор. Яглинг — Рассказы о дорогах. В. Тарсис — Две книги о Хакассии. ХРОНИКА. — Счастье быть молодым.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ № 4 (апрельский) ЖУРНАЛА

НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ

ВЫСТАВКА КОНТРАКТАНТОВ

От выставки картин художников, работавших по контрактации, можно было ждать многого. Ведь это выставка отборных работ, долго писавшихся и дорого стоящих. Но после внимательного просмотра с сожалением приходится убедиться, что бесспорно хороших произведений не больше полутора-двух десятков, а вся основная масса картин представляет собою зрелище очень бесцветное и унылое. Если советским живописцам вообще не к лицу окидка на бедность, то уже тем более не приходится прятаться за какие-либо «неблагоприятные домашние условия» художникам, вполне обеспеченным и мастерскими и большими суммами, регулярно получаемыми в счет будущих картин. Наряду с важными принципиальными вопросами эта выставка поднимает и один довольно прозаический вопрос: хорошо ли организована система контрактации, если в результате ее может поступать серая, а иногда и просто явно плохая продукция?

Статьи «Правды» внесли огромное оживление в работу художников и критики прежде всего тем, что полностью и окончательно ликвидировали различные суб'ективные и групповые критерии качества. Никому больше не может притти в голову расценивать и превозносить какие-либо картины за так называемые «формальные достижения в цвете» или за «актуальность» темы независимо от ее художественного выражения смотря по «местным» мерилам оценки, как часто бывало еще недавно. Эта выставка наглядно подтверждает, что формалистические тенденции или натуралистическое копирование воспринимаются не как «законные» свойства определенных художественных «течений», а просто как вредные дефекты, мешающие хорошему качеству или вовсе его уничтожающие. Это означает, что самое понятие художественного качества давно находится в зависимости от степени достигнутой глубины и чистоты большого реалистического искусства.

Если на этой выставке еще нет картин — образцов совершенства, то несколько работ все же вполне ясно говорят о наличии ведущего отряда реалистической живописи и графики. Работы Пименова, Лукомского, Горшмана, Шурпина, Родионова, С. Герасимова и некоторых других художников при всем своем многообразии намечают путь последовательного приближения к реализму. Важнее всего то, что в этих работах художники всерьез ищут образ нового человека и новое чувство природы. Графика (как всегда во Всекохудожнике, помещенная в самом темном и неудобном углу) идет впереди живописи. Карандашные рисунки Родионова (портреты Бакулина и Ильиной) и акварельные пейзажи Донбасса Горшмана, пожалуй, самые бесспорные работы на выставке по своей тонкости, простоте и обобщенной выразительности. Эти два очень скромных мастера долго не замечались художниками и критикой. Последние акварели Горшмана и особенно великолепные реалистические иллюстрации к «Калебу Уильямсу» Годвина свидетельствуют о художественной зрелости мастера.

В живописи наилучшие результаты — в работах менее монументального порядка. «Портрет Вари Шитаковой» Пименова подкупает своей простотой и реалистичностью и отличается эмоциональной, без всякой тени рассудочности и схематизма, типизацией. Художник сумел в индивидуальном портрете раскрыть обобщенный образ советской девушки. В этом же плане сделан хороший портрет мальчика художником Одинцовым. Нужно высоко оценить и опыты группового портрета, стремящегося дать подлинно живые образы советских людей. «Строители Сталиногорского химкомбината» Лучишкина еще не свободны от некоторого оттенка театральной эффектности, но в основном правильно передают героическое и в то же время повседневно-реальную романтику социалистического строительства. Этой жизненности и убедительности добивается художник Шурпин в большой многофигурной картине «В родном селе», которая, по сравнению с первым вариантом, показывает большой шаг вперед и в колористическом отношении.

В картине С. Герасимова «Ленин в Смольном» художник стремился показать тесную близость Ленина к массам. Достоинство картины, однако, снижают написанные скованными и неподвижными некоторые лица и фигуры.

Насколько благотворным оказывается стремление к реалистической простоте, хорошо видно по скуному, лишенному обычного для художника эстетства, «Владивостоку» Нисского. Выделяются своей свежестью тонкоживописные этюды Зевина и пейзажи Морозова и Ржезникова.

Но большинство выставленных картин вызывает гораздо менее приятные размышления. На выставке отчетливо выясняются два серьезных явления: с одной стороны, консервативное топтание на месте и странная успокоенность, с другой — активная разработка стандартов обывательской пошлости, выдающих себя иногда за «поиски социалистического реализма». Если об убежденных натуралистах, вяло перерисовывающих невыразительные фотографии (работы художника Перельмана), не приходится говорить, то таким художникам, как Куприн или Крымов, можно было бы пожелать большей жизненности. Как не надоест всегда повторять одно и то же! Целый ряд художников, повидимому, не замечает, что бесконечные вариации одного, когда-то поразившего воображение, мотива перестают производить какое бы то ни было воздействие на зрителя, а для самого автора грозят полным окостенением, что уже произошло, например, с Богаевским, судя по его мертвым и однообразным «индустриальным» пейзажам.

Относительное движение вперед, но крайне замедленное сравнительно с темпами развития советского искусства и потому запаздывающее, имеется в работах некоторых художников формалистического фланга, например у Древина и Удальцовой. По сравнению со своими предшествующими картинами они приближаются к большей общедоступности, но при всем том их искусство до сих пор еще находится в тупике суб'ективно-эмоциональных переживаний.

Самым нежелательным явлением оказывается на этой выставке неожиданный «букет» салонных «шедевров». Здесь налицо искажение и извращение задач настоящего советского искусства.

Евг. Львов («Море»), и Кацман («Отличницы») оказываются наиболее стойкими хранителями «традиций» открыточно-салонной живописи конца XIX века.

В плен слащавой, салонной стандартности попали на этот раз и подававшие совсем иные надежды Короткова и Кашина. Их картины вызывают протест тем более, что они посвящены серьезнейшим темам материнства и жизни пионерского лагеря «Артека»! Безудержно пестрые краски, обильные цветы и прочие «очень красивые», по мнению авторов, подробности снижают важные и нужные темы. Вызывают недоумение и слащавые портреты Лучишкина.

Но «гвоздем» этой категории картин является «Групповой портрет» Машкова. Это монументальное произведение является весьма наивной, но неприкрытой апологией мещанской пошлости. Три человека с винтовками, с неестественно напряженными лицами, в позах, излюбленных провинциальными фотографами прошлого века, на вышитой розами дорожке и в окружении двух грандиозных фикусов! Такие уборные, псевдокультурные «идеалы» могли быть у уездных купцов, впервые приехавших в город. Тов. Машков думает, что ему поверят, будто эти люди могли делать революцию!

Если у Машкова — реакционно-мещанское искажение образов советских людей, то в «Мещанке» Вильямса — откровенное любование мещанскими красотами толстой особы неизвестного времени и места. То, что имело еще какие-то основания во времена Кустодиева, то не имеет никаких прав на существование в наше время.

А. ЧЕГОДАЕВ.

Уполномоченный Главлита Б — 22971. Типография газеты «За индустриализацию». Москва, Цветной бульвар, 30.